

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 4

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Россіи нужна прежде всего національная интеллигенція, религіозно обновленная и государственно мыслящая. Только ей можетъ открыться великая — христіанская и патриотическая идея Россіи; только она сможетъ воспитать въ народъ ту великую силу воли, которая необходима для осуществленія этой идеи.

Каждый изъ насъ долженъ работать надъ собою въ этомъ направленіи: вынашивать вѣрную, глубокую и ясную идею и готовить въ себѣ сильную, гибкую и умѣлую волю. Основная задача «Русскаго Колокола» состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать этому творческому процессу.

Для этого нашъ журналъ даетъ статьи и матеріалы. Ихъ не стоить «просматривать» или «пробѣгать глазами»; напрасно искать въ нихъ развлеченія и легкаго чтенія. Они требуютъ вниманія и, главное, разсмотрѣнія cadaго отдѣльнаго вопроса по существу.

Лучше всего читать и обсуждать эти статьи совместно, вдвоемъ, втроемъ или въ кружкѣ единомышленниковъ. Почти каждая статья можетъ замѣнить очередной рефератъ; и почти каждая статья требуетъ принципиальнаго рѣшенія, которое лучше всего принимать совместно.

Особаго вниманія требуютъ матеріалы и инструкціи, помещаемыя во второй части журнала. Ихъ назначеніе — вооружить мысль и волю русскаго патриота. На какомъ бы посту онъ ни оказался впоследствии въ обновленной Россіи, — учителя, офицера, чиновника, агронома, журналиста, кооператора, — онъ найдетъ здѣсь необходимыя для него свѣдѣнія, формулы и указанія.

Редакція ждетъ отъ всѣхъ читателей-единомышленниковъ прямыхъ откликовъ, запросовъ и пожеланій. Всякій откликъ безъ исключенія будетъ принятъ во вниманіе и такъ или иначе учтенъ. Всѣ вопросы и обращенія, имѣющіе общій интересъ, будутъ находить редакціонный отвѣтъ во второй части журнала.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 4

Редакторъ-Издатель
Профессоръ
И. А. Ильинъ.

1 9 2 8

СПАСЕНИЕ ВЪ КАЧЕСТВѢ.

Вѣримъ и знаемъ: придетъ часъ и Россія возстанетъ изъ распада и униженія и начнетъ эпоху новаго расцвѣта и новаго величія. Но возродится она и расцвѣтетъ лишь послѣ того, какъ русскіе люди поймутъ, что *спасенія надо искать въ качествѣ!* . . .

Всмотритесь въ пути и судьбы Россіи; вдумайтесь въ ея крушеніе и униженіе . . . И вы увидите, что всѣ основныя затрудненія ея — были отъ *объема* и *количества*. На протяженіи вѣковъ вся бѣда наша, вся опасность наша состояла въ томъ, что судьба навязывала намъ *неисчерпаемое обиліе*. — обиліе пространствъ, племенъ и людей, — *и не давала намъ времени* для того, чтобы *проработать* это обиліе, *овладѣть* имъ, *извлечь изъ него скрытыя силы* и *довести ихъ до качественного расцвѣта* . . . Не мы брали это обиліе; оно само навязывалось намъ, — напирая на насъ угрозами и опасностями. огнемъ и мечомъ, игомъ и голодомъ¹⁾). На протяженіи своей исторіи Россія какъ бы задыхается въ этой борьбѣ съ *объемомъ* и *количествомъ*: начиная отъ южныхъ степеней — и кончая сѣверными лѣсами; начиная отъ монгольскихъ нашествій — и кончая небывалымъ фронтомъ послѣдней войны; начиная отъ ста шестидесяти племенъ и нарѣчій, — и кончая аграрнымъ перенаселеніемъ нашихъ дней. Россія могла существовать только втягивая, включая въ себя это обиліе, разбрасывая по нему свои силы и *перенапрягаясь* въ этомъ разбрасываніи; избывая одну бѣду для того, чтобы встрѣчать другую, стучащуюся въ ворота; и вѣчно оназдывая, отставая отъ сосѣдей . . .

Вотъ почему мы всегда были *не готовы* и шли «на авось»: и «авосевы города стояли негорожены . . .» Вотъ почему мы никогда не могли предусмотрѣть *всѣхъ* опасностей и привыкали

¹⁾ См. статьи, помѣщенныя въ «Русскомъ Колоколѣ»: въ № 1 «Русская территорія» и «Поселеніе Россіи»; въ № 2 — «Историческое бремя Россіи»; въ № 3 «Войны Россіи».

утѣшаться успокоительнымъ и безлечнымъ «небось». Вотъ почему намъ всегда было *не до качества*: хоть «какъ-нибудь» — да «быть бы живу...»

Русская душа и доселѣ еще не поняла и не осмыслила, какой соблазнъ, какую отраву она впитала въ себя вмѣстѣ съ этой идеей *безкачественнаго обилія и объема*. Мы и теперь еще не научились тому, что «много» и «здорово» — не значить *хорошо*; что «вольная волюшка» и «безудержъ» — не то же, что *свобода*; что человѣкъ съ «широкой» и «сильной» натурой — можетъ быть и *золъ*, и *вреденъ*; что не все можно прощать человѣку за «размахъ» и за «удаль»... Кого и когда удалось намъ «закидать» палками? и почему мы всегда крестимся лишь послѣ того, какъ грянетъ громъ? Гдѣ-то въ глубинѣ души у русскаго человѣка живетъ смутная, но твердая увѣренность, что качество ему «не нужно»; что это — «заморская выдумка»; что при «нашемъ» обиліи и при «нашей» даровитости — мы безъ ученья и безъ старанья, безъ умѣнья и безъ навыка «по свѣдѣму» «справимся» и даже «еще лучше выйдемъ». Вотъ почему и аграрный вопросъ мы все думали разрѣшить количественно. — чтобы у одного стало «больше», а у другого «меньше»... *) Вотъ почему и теперь иные, ослѣпленные «объемомъ» и соблазненные «размахомъ» планетарныхъ коммунистовъ, готовы закрыть себѣ глаза на *сатанинское качество* ихъ работы...

Да, въ нашей прошлой исторіи намъ не хватало ни времени, ни силъ на *качество*: на спокойную и сосредоточенную культуру; на взращиваніе и творческое оформленіе нашей *природной даровитости*; на воспитаніе и укрѣпленіе *національнаго характера*; на созданіе *интенсивнаго*, технически совершеннаго *земледѣлія* и *промысла*; на усовершенствованіе политической и бытовой *организации жизни*. И потому почти все, что мы создавали, мы создавали не культурою, а нашей первобытной, естественной даровитостью. И тамъ, гдѣ западный европеецъ перѣдко извлекалъ многое изъ малаго дара, въ Россіи и большая одаренность обычно шла прахомъ...

Культивировать наше качество, наши душевные и естественные дары. — мы начали, строго говоря, лишь въ десят-

*) См. статью В. А. Косинскаго «О русскомъ малоземеліи».

надцатомъ вѣкѣ. Сто лѣтъ... Мы только успѣли начать; мы едва приступили къ осмысленію и собиранію нашихъ, какъ бы въ торопяхъ создававшихся сокровищъ; мы только успѣли опомниться и заговорить. И еще не научившись цѣнить качество, еще не осмысливъ ни своего призванія, ни своихъ духовныхъ силъ, мы создали *великое* — и въ словѣ, и въ музыкѣ, и въ живописи, и въ знаніи; мы начали создавать *превосходное* и въ техникѣ, и въ промышленности, и въ быту; и тутъ же, не умѣя цѣнить эти достижения, поспѣшили *нигилистически отречься* отъ нихъ въ *толстовствѣ*, и въ *революціи*.

Это не случайно, что именно *нигилизмъ*, отвергнувшій качество, провозгласившій сниженіе, упрощеніе и возвратъ къ первобытности, — что именно онъ вскормилъ и подготовилъ *чисто количественный паѳосъ революціи*. Ибо сущность революціи состоитъ какъ разъ въ *отрицаніи духовнаго качества* и въ *количественномъ* перераспределеніи благъ (черный передѣлъ, квартирный передѣлъ, «изъятіе», «пайки», «конфискація»). . . Революція есть живой и свирѣпый *врагъ качества*; врагъ «высшихъ способностей», врагъ всякаго превосходства и преимущества; она хочетъ *равенства* и для этого совлекаетъ, снижаетъ, развращаетъ, кощунствуетъ и разрушаетъ. Революція есть *духовное заболѣваніе*: въ этой болѣзни люди слѣпнутъ для *духа* и *качества*, и начинаютъ поклоняться *матеріи*, *грубой силѣ*, *объему*, *числу* и *размаху*. И именно потому они начинаютъ съ вызовомъ *попирать всякое истинное качество*: творять зло, насаждаютъ ложныя ученія, создаютъ уродливое и отвратное искусство, и вырабатываютъ въ хозяйствѣ дрянной, никому ненужный продуктъ. И этимъ они только изобличаютъ творческую немощь количественнаго паѳоса и *священную необходимость качества*.

Ясно, что духъ революціи овладѣлъ русскими людьми не случайно: ибо *теоретическій нигилизмъ революціонеровъ имѣлъ свои корни въ душевномъ укладѣ простаго народа*. Отъ *пренебреженія* къ качеству не такъ ужъ далеко до *презрѣнія* къ нему и *отрицанія* его; и того, кто склоненъ все прощать за «размахъ» и «удаль», того неизбежно должны были покорить «удаль» и «размахъ» міровыхъ злодѣевъ. То, что было первоначально *блѣдою*, и что потомъ вызвало народную утомленность, безнадежность и *безпечность* — стало плоскою и ядовитою *идеєю* нигилизма; и на эту идею слетѣлись отовсюду

вѣроны, люди злого паѣоса, для того, чтобы возглавить просто-народную утомленность и безпечность — мировымъ *преступленіемъ* . . .

Всмотритесь же въ пути и судьбы Россіи; вдумайтесь въ ея крушеніе и униженіе! И вы увидите, что русскому народу есть только одинъ исходъ и одно спасеніе — въ возвращеніи къ *качеству* и къ его культурѣ. Ибо количественные пути исхожены, выстрадаы и разоблачены; и количественныя иллюзіи на нашихъ глазахъ изживаются до конца.

Что дала революція русскому народу? Избіеніе и вымираніе лучшихъ людей — самыхъ честныхъ, патріотичныхъ и храбрыхъ: невѣроятное паденіе жизненнаго уровня, — умственнаго, нравственнаго, бытового и трудового; разрушеніе интенсивнаго хозяйства и растрату безчисленныхъ матеріальныхъ сокровищъ. Иными словами: *гибель лучшаго*. И видя это, и разумѣя это, кто изъ насъ не спрашивалъ себя за эти годы: — да могли ли самые лютые, заклятые враги Россіи хотѣть чего-либо иного? и кто эти люди, совершившіе въ Россіи это *качественное опустошеніе*? откуда они? и какъ могъ поддаться ихъ навѣтамъ и соблазнамъ русскій народъ? . . . О, этотъ трагическій путь отъ утомленія къ соблазну и отъ безпечности къ преступленію! . . . Да будетъ же онъ отмѣченъ въ русской исторіи *въ послѣдній разъ!*

Послѣ революціонной ставки на жадность, на зависть, на стѣпоту, на труса и на подлеца — Россію спасетъ только *ставка на качество*. Изъ хаоса, изъ оскудѣнія, изъ упрощенія, изъ растраты и разложенія — есть одинъ только путь: къ сосредоточенной концентраціи, къ интенсивному труду, къ волевой дисциплинѣ, къ подъему уровня, къ *отбору и выдвиженію лучшихъ силъ*. Чтобы возродить Россію — мало «сбросить большевиковъ»; это элементарно и безспорно; но это близоруко и безыдейно. Надо *творчески развязать качественныя силы Россіи!*

Нынѣ наша родина нуждается прежде всего въ *честной вѣрности*. — Что могутъ построить безчестныя и продажныя руки? Революція уже дала отвѣтъ на это . . .

Россіи нужны *опытъ* и *умѣніе* — во всѣхъ областяхъ: отъ генеральнаго штаба до коопераціи, отъ торговли до полиціи. — Или недостаточна еще была вся наша расплата за безпомощность революціонныхъ самознаекъ? . . .

Россія будетъ голодать по *знающимъ* и *работоспособнымъ* людямъ — на всѣхъ поприщахъ: отъ бухгалтеріи до медицины, отъ агрономіи до профессуры. — Революція сама перевернула страницу невѣжества и трудового обмана...

Россіи необходимы *воля* и *талантъ*. Ихъ нельзя ничѣмъ замѣнить: ибо талантъ — творить новое, а воля — строить и держать народную жизнь. — Революція навсегда скомпрометировала партійность и партійный отборъ; и новый отборъ долженъ быть *дѣловымъ*, *предметнымъ*, а не *партійнымъ*!

Дорогу честности!

Дорогу знанію и таланту!

Дорогу *русскому гению*!

Качество необходимо Россіи: вѣрные, волевые. знающіе и даровитые *люди*; крѣпкая и гибкая *организация*; напряженный и добросовѣстный *трудъ*; выработанный. первосортный *продуктъ*; *высокій уровень жизни*.

Новая, *качественная эпоха* нужна нашей родинѣ. эпоха. которая довернула бы все, упущенное за время перегруженности и безпечности: которая исцѣлила бы зарослила бы всѣ язвы революціоннаго времени. Эта эпоха близится и наступитъ: въ томъ порукою — природная даровитость и духовная гениальность русскаго народа.

И нынѣ: вѣрить въ русское національное возрожденіе — значитъ вѣрить въ *грядущую побѣду качества*; въ побѣду вѣрности надъ предательствомъ. знанія надъ невѣжествомъ. труда надъ хищеніемъ. воли надъ страстью; — вѣрить въ побѣду *божественныхъ* силъ человѣка надъ *сатанинскими*...

И готовить возстановленіе Россіи — значитъ прежде всего готовить *себя самого къ качественному служенію родинѣ*: готовить свой характеръ. свое разумѣніе. свое чувство. свою *волевою идею*:

Имя этой волевой идеи — **русское качество.**

Вѣримъ и знаемъ: придетъ часъ и Россія возстанетъ изъ распада и униженія и начнетъ эпоху новаго величія. И эпоха эта будетъ стоять подъ знакомъ нашей волевой идеи!

Редакторъ.

КАЗАКИ, ИХЪ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ.

«И нынѣ-же мы должны сказать себѣ и другъ другу, въ чемъ нуждается наша Родина? Чего она требуетъ отъ насъ»?... «Что мы должны дѣлать въ будущемъ для того, чтобы никогда болѣе не повторилась эти годы смятения и крушения»...

«Русскій Колоколъ» № 1, стр. 4.

Россія сегодняшнего дня — домъ въ огнѣ, жилище, захваченное умалишенными: все вынесено изъ комнатъ, поломано, истреблено, составлено, какъ не надо. Въ спальную вдвинуть буфетъ, въ прихожей разставлены кровати, кухонная посуда стоитъ на роялѣ... Но хозяева дома не вѣрятъ, что это всегда такъ и останется. Хозяева — Русскіе — знаютъ, что будетъ погашенъ пожаръ, уберутъ, выгонять сумасшедшихъ изъ квартиры и можно будетъ приступить къ уборкѣ, къ разстановкѣ мебели и вещей, такъ, какъ слѣдуетъ.

Въ предвидѣніи этого возникаютъ гаданія: — какъ разстанавливать? Такъ, какъ было раньше, когда «мы» такъ спокойно жили (реставрація)? Или такъ, какъ было давно, давно, при дѣдушкахъ и бабушкахъ, когда не было ни водопровода, ни электрическаго освѣщенія, ни телефона (свразійцы)? Или совсѣмъ по новому, порвавъ съ укладомъ родителей, создавъ изъ одной большой, общей квартиры нѣсколько самостоятельныхъ, маленькихъ съ общими дверями, а то и безъ дверей, съ глухими переборками (федералисты)?

Что гаданія эти существуютъ, показываютъ, между прочимъ, лежащая передо мною «Анкета о казакахъ», составленная войсковыми атаманами Дона, Кубани и Терекъ и правленіемъ Казачьяго союза. Въ ней говорится:... «въ условіяхъ, въ которыхъ протекаетъ жизнь на Родинѣ и на чужбинѣ, десять лѣтъ — срокъ большой, и на рубежѣ его мысль казаковъ углубляетъ

ся въ прошлое, отдаваясь не только воспоминаніямъ. но и продумывая все до конца, пытаясь осмыслить минувшее и сдѣлать изъ него правильные выводы, — старается пытливо заглянуть въ будущее, угадать, сохранится ли въ будущей новой Россіи казачество и какъ сложится въ ней его жизнь, въ какихъ формахъ и съ какимъ внутреннимъ содержаніемъ».

«Какъ расцѣнивается казаками и ихъ соотечественниками неказаками прошлое казачества — и старѣйшаго Юго-Восточнаго, «вольнаго», три вѣка назадъ осуществлявшаго въ своей казачьей жизни широкія начала народоправства, братства и равенства и вернувшася къ этимъ порядкамъ послѣ февральской революціи, — и тѣхъ казачьихъ войскъ, служившихъ, которыя были образованы въ XIX столѣтіи?»

«Въ чемъ были сильныя и въ чемъ слабыя стороны казачества? Какова его будущность? . . .»

Гадать о будущемъ, заниматься предсказаніями этого будущаго, быть «пророкомъ» — задача неблагодарная и невыгодная. Однако, внимательное изученіе прошлаго казаковъ (да и не однихъ казаковъ, а вообще жизни людей, человѣческихъ обществъ и ихъ взаимоотношеній) и разсмотрѣніе того, что казаки изъ себя въ настоящее время представляютъ, до нѣкоторой степени, даетъ возможность предъугадать, что будетъ съ казаками, если будетъ то, или другое . . . Будущее казаковъ *зависитъ отъ нихъ самихъ. Ихъ судьбы — въ ихъ рукахъ.*

Разсмотрѣніе прошлаго, изученіе исторіи казаковъ говорить: — всякія *права* вытекаютъ изъ исполненія тѣхъ или другихъ *обязанностей*. Несеніе этихъ *обязанностей*, принесеніе отъ себя опредѣленной *жертвы* Государству — давало казакамъ большія или мѣньшія *права*; выдѣляло ихъ изъ общенмасы Россійскихъ гражданъ, обособляло ихъ и создавало имъ, съ одной стороны, болѣе тяжелую, чѣмъ у другихъ русскихъ жизнь (*обязанности*), — съ другой стороны дѣлало эту жизнь богаче, обезпеченнѣе, свободнѣе и привольнѣе, чѣмъ жизнь остальной части Русскаго народа (*права*).

Говорить о *правахъ*: — о *народоправствѣ* (т. е. управленіи своимъ кругомъ, или радюю при посредствѣ выборнаго атамана), о *братствѣ и равенствѣ*(?), — не вытекающихъ изъ несенія *обязанностей*, подчасъ очень тяжелыхъ и нецрйятныхъ — это чистая *демагогія*. — Казаки на горькомъ опытѣ 1917 года и своего настоящаго положенія, должны понять въ какой ту-

никъ, къ какимъ великимъ несчастіямъ эта демагогія приводитъ.

Обратимся къ дальнему, дальнему прошлому казаковъ... Времена легендарныя, богатырскія. Русскій эпосъ... На охранѣ земли Русской (Кіевской), по ея границамъ-украинцамъ — стояли богатырскія заставы. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ — герои народнаго эпоса, защищали Русскую землю отъ несмѣтной силы татарской (*врага вѣшняго*), отъ Соловья Разбойника (*врага внутренняго*), отъ Идоллица поганаго — (защита быта и вѣры православной). Историкъ Соловьевъ пишетъ: — «быть, подвиги богатырей древнихъ сходны съ бытомъ, съ подвигами казаковъ, и народное представленіе вѣрно отождествляетъ эти два явленія, разнящіяся только именемъ, но и здѣсь народная пѣсня уничтожаетъ различіе, называя, на примѣръ, Илью Муромца старымъ казакомъ»¹⁾.

Старинная пѣсня казачья величаетъ Илью Муромца донскимъ атаманомъ:

«Помутился весь тихій Донъ,
Помѣшался весь казачій кругъ,
Что не стало у нихъ атамана,
Что стараго казака, Ильи Муромца»...²⁾.

Былинный эпосъ говоритъ намъ о ширяхъ богатырей съ Кіевскимъ княземъ, объ ихъ княжескомъ пожалованіи, о прощеніи «грубостей» пьяному Ильѣ: — *права*; они признаются за великую службу на богатырскихъ заставахъ: — *обязанности*.

Старинная казачья пѣсня про Ермака поетъ о томъ, что за Царемъ служба казачья не пропадаетъ. Описывая взятіе казаками города Казани, она заключаетъ: —

«Ермакъ тремя стами казаками городъ взялъ,
Городъ взять отъ Казань и Царю отдалъ,
Избавилъ Ермакъ войско Царское отъ урона,
За то Царь пожаловалъ Ермака княземъ
И наградилъ его медалью именною,
Да подарилъ Ермаку славный, тихій Донъ,
Со вѣми его рѣчками и проточками»...³⁾.

На окраину Русскаго (Московскаго) государства «полюковать» (отъ «поля») — шли Русскіе люди своею охотою и по са-

¹⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 166.

²⁾ Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ.

³⁾ Пѣсни, собранныя Пивоваровымъ.

мымъ различнымъ причинамъ. Одни шли потому, что въ нихъ «сила по жилушкамъ живчикомъ переливалась» — надо было въ лихой охотѣ за звѣремъ, въ схваткѣ съ татаринѣмъ или туркомъ дать ей исходъ; или, ища подвига ратнаго, искали и добычи, шли «зинуны добывать . . .»

Другіе шли потому, что ихъ судьба такъ прикрутила, что имъ было: — «либо въ стремя ногой, либо въ пень головой . . .» Шли отъ нищеты, отъ преслѣдованія властей за совершенныя преступленія, бѣжали отъ помѣщиковъ на вольную жизнь. Наконецъ, третьи шли отъ преслѣдованій за «старую» вѣру.

Русскіе разбредались по границамъ и шли за границу: — на югъ, востокъ и сѣверъ, къ Ледовитому океану, неся въ себѣ и продвигая съ собою и царство Русское. — Историкъ «Терскихъ казаковъ» Ив. Понко пишетъ: «куда ни забредутъ Русскіе люди, хотя-бы *«самодурью»*, безъ видимой государственной цѣли, туда придетъ и Русское царство (Иртышъ и Ермакъ, Кубань и Некрасовъ. Терекъ и рязанскіе казаки) . . .» Не даромъ китайцы говорятъ, — что «граница Россійскаго государства лежитъ на арчакѣ казачьяго сѣдла . . .»

Сначала царская, центральная, Русская власть, *терпѣла* — это выдвигеніе въ «поля» и стени охочихъ людей, которые, хотя и дѣлали многія «грубости», творя разбой по рѣкамъ и дорогамъ, но за то и *охраняли государственныя границы*, являясь какъ бы *вольной пограничной стражей*.

Потомъ, разобравшись въ государственной пользѣ отъ существованія этихъ самостоятельныхъ казачьихъ общинъ, управляемыхъ своими выборными атаманами, — общинъ далекихъ отъ понятія «республики», ибо общинъ, исключительно *воинскихъ*, — центральная власть наложила на нихъ *обязанности*, обязала ихъ *службою*: — провожать и охранять пословъ, посылаемыхъ въ Константинополь черезъ стени по Дону, вести развѣдку среди азовцевъ, погайцевъ, кубанцевъ и калмыковъ и охранять границы Московскаго царства.

За эту службу: — конвойную, развѣдывательную и охранную. — центральная власть сохранила за казаками права ихъ жить по занятымъ ими рѣкамъ (земли), права управляться атаманами и кругомъ («образъ служенія» казаковъ государству), прощало ихъ грабежи и поиски и, наконецъ, жаловало ихъ своимъ царскимъ жалованьемъ.

Такъ, при болѣе тѣсномъ строительствѣ, чѣмъ въ Кіевскій періодъ, — съ Московскою властью опредѣлились права казаковъ, вытекшія изъ ихъ обязанностей.

Цари Московскіе спосились съ казаками грамотами: — «... На Донъ. Донскимъ Атаманамъ и казакамъ, старымъ и новымъ, которые нынѣ на Дону и которые зимуютъ близко Азова». Жалованье посылалось казакамъ за опредѣленную службу: — «... А нынѣ — есмь къ вамъ жалованье которые ходили атаманы і казаки подъ Калміусъ, послали селитру и свинець, а впередъ васъ, своимъ жалованьемъ хотимъ пожаловать» (т. е. за *развѣдку*)... Далѣе: — «дождаться посла изъ Турціи и проводить до Рязскаго города» (*конвойная служба*). «А которые останутца низовые атаманы отъ Азова до Раздоровъ, и вы-бѣ ихъ імяна, хто імянемъ атаманъ, и сколько съ которымъ атаманомъ казаковъ останетца, тобъ есте імянно переписавъ, дали імяно посланнику нашему... А мы къ нимъ впередъ, на веснѣ рано, свое жалованье пришлемъ...» *) (*Гарнизонная, пограничная служба*).

Когда, слѣдуя за казаками, *сливаясь съ ними*, Русское государство дошло до естественныхъ рубежей — Азовскаго и Чернаго морей и Кавказскаго хребта — прежняя служба казаковъ должна была измѣниться. Они могли, или слиться съ населеніемъ пришлымъ, сгустившимъ, уплотнившимъ населеніе окраинъ, стать *гражданами*, переставъ нести особыя обязанности и за то утративъ и свои особыя права, какъ то вышло съ Малороссійскими слободскими казаками, или, продолживъ несеніе особыхъ обязанностей, сохранить за собою и особыя казачьи права.

Провожать пословъ не приходилось, развѣдывать дальше было нечего, сторожевая служба отпала. Но по взаимному, *не писанному договору* казаки взяли на себя обязанность *выставлять свои казачьи* (преимущественно конные) *полки въ нужныя государству мѣста*, нести *службу* въ новыхъ краяхъ «по линіи» въ Грузіи, выставлять отъ себя *воинственное населеніе* на новыхъ «линіяхъ» — Сибирской, Оренбургской — рубить тамъ «городки» и *охранять границы* Русской земли. Въ случаѣ же войны, или смуты *подниматься всѣмъ войскомъ поголовно* и быть *коннымъ авангардомъ Россійскихъ арій*. На ка-

*) Грамота царя Θεодора Іоанновича 31 авг. 1584 г. — С. Г. Святиковъ «Россія и Донъ» стр. 29, 47 и 48.

заковъ легли сложныя, многотрудныя, требующія пота и крови, полныя тяжелыхъ лишеній *обязанности*.

За несеніе этихъ *обязанностей* казаки получили *подтверженіе своихъ правъ* въ цѣломъ рядѣ императорскихъ грамотъ.

Императоръ Александръ I послѣ Отечественной войны писалъ въ грамотѣ: «Донское наше войнство въ минувшую съ французами войну усердіемъ, подвижностью и храбрыми дѣйствіями своими оказало важныя отечеству услуги. Поголовное ополченіе и прибытіе онаго въ знатныхъ силахъ къ нашей арміи было толь поснѣшное и скорое, которое тогда токмо бываетъ, когда совершенная къ исполненію долга своего ревность всѣхъ и каждаго одушевляетъ и движеть...»

Въ грозную годину вторженія Наполеоновыхъ полчищъ, грозившихъ самой самостоятельности государства, казаки принесли себя въ жертву Россіи: — они выставили «поголовное ополченіе въ знатныхъ силахъ». Эту жертву они принесли *добровольно, съ полною охотою*. Ихъ всѣхъ воодушевляла «ревность къ исполненію долга своего». За эти *жертвы*, за эти ревностно исполненныя передъ Россіей *обязанности* со стороны центральной власти послѣдовало въ той же грамотѣ подтверженіе за казаками ихъ правъ: — «въ довершеніе всемилостивѣйшаго благоволенія Нашего къ Донскому войску, Мы подтверждаемъ всѣ права и преимущества, въ Божѣ почивающими высокими предками Нашими ему дарованныя, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенія») толикою славою покрытаго неприкосновенность всей окружности его владѣній со всѣми выгодами и угодіями, грамотами любезнѣйшей бабки Чашей Государыни Императрицы Екатерины Великія 27 маія 1793 г. и Нами въ 1811 году августа въ 6-й день утвержденную и толикими трудами, заслугами и кровію отцовъ его приобрѣтенную...»

Т. е. права на земли — и не малыя. Тогдашній казачій душевой надѣлъ колебался отъ 24 до 36 десятинъ, при чемъ казаки были свободны, а все остальное земледѣльческое сословіе въ Россіи пребывало въ крѣпостномъ состояніи. Кромѣ того

) Въ своихъ казачьихъ полкахъ, со своими начальниками, преимущественно конная и поголовная: — тутъ совмѣщались вмѣстѣ и *права*: — сохраненіе своего быта, и *обязанности*: — болѣе тяжелая чѣмъ для остальнаго населенія воинская повинность.

оставались еще и обширные войсковые земельные запасы. Так: ревностное исполненіе казаками своихъ обязанностей передъ центральной властью закрѣпило за ними права на ихъ земли, со всѣмъ, что на нихъ находится: — съ земельными нѣдрами и рѣчными, рыбными промыслами.

Уклонялись казаки отъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, несли ихъ небрежно и сейчасъ же это отзывалось на урѣзаніи ихъ правъ, стѣсненіи ихъ свободы.

Въ 1837 году Государь Николай Павловичъ, возвращаясь съ Кавказа изъ Грузіи, вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ посѣтилъ войско Донское и произвелъ подъ Новочеркасскомъ смотръ казачьимъ полкамъ. Смотръ былъ неудачный. Дулъ холодный вѣтеръ, поднимая и крутя столбы пыли. Люди полевыхъ полковъ не равнялись, офицеры и урядники не знали своихъ мѣстъ, лошади были очень плохи, казаки скверно ѣздили и были грязно и неряшливо одѣты.

Государь сказалъ атаману Власову — природному донскому казаку: — «я ожидалъ видѣть двадцать два полка казаковъ, а вижу какихъ то мужиковъ! Никто не имѣетъ понятія о фронтѣ. А лошади!.. Это не казачьи лошади, а мужичьи!»

Правительство усмотрѣло въ этомъ, что казакъ-атаманъ не можетъ заставить казаковъ выполнять ихъ обязанности и лишило ихъ атамановъ-казаковъ. Оно сдѣлало это мягко, тактично, не рѣзко и незамѣтно. Когда въ 1848 году атаманъ Власовъ скончался отъ холеры, на его мѣсто былъ назначенъ атаманомъ генераль Хомутовъ, не изъ донскихъ генераловъ, но изъ генераловъ «Русскихъ», иигороднихъ, и этотъ порядокъ продолжался до послѣдняго времени.

Однако, центральная власть не забывала всякій разъ, какъ казаки особенно, «подчеркнуто», усердно выполняли свои обязанности передъ государствомъ — подтверждать и ихъ права на особый, казачій, бытовой «образъ служенія» въ ихъ полкахъ и на владѣніе казаками всѣми ихъ землями.

Когда во время смуты 1905—06 годовъ казачьи войска были подняты почти поголовно на охрану порядка внутри Россіи — они въ торжественныхъ Императорскихъ грамотахъ опять получили подтвержденіе своихъ бытовыхъ и земельныхъ правъ.

Въ грамотѣ, данной Императоромъ Николаемъ II Донскому войску 24-го января 1906 года говорится, послѣ поминанія прошлыхъ заслугъ донскихъ казаковъ: — «и въ нынѣ минувшую войну съ Японіей, а особливо въ наступившіе тяжкіе дни смуты. Донскіе казаки, свято исполняя завѣты своихъ предковъ — вѣрою и правдою служить Царю и Россіи, явили примѣръ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Отечества...»

«... За столь самоотверженную, неутомимую и вѣрную службу объявляемъ, близкому сердцу Нашему, доблестному войску Донскому особое Монаршее Наше благоволеніе и подтверждаемъ всѣ права и преимущества, дарованныя ему въ Божѣ почившими Высокими Предками Нашими, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ, какъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, стяжавшаго войску Донскому историческую славу (т. е. неприкосновенность быта казачьяго), — такъ и неприкосновенность всѣхъ его угодій и владѣній, прибрѣтенныхъ трудами, заслугами и кровью предковъ и утвержденныхъ за войскомъ Монаршими грамотами» — (т. е. душевой надѣль отъ 8—12 десятинъ при значительномъ юртовомъ, станичномъ запасѣ. — противъ 2—4 десятинъ крестьянскаго надѣла).

Въ великую Русско-Германскую войну всѣ казачьи воиска съ необычайною, небывалою даже въ пору Отечественной войны 1812 года ревностью, ополчившись поголовно, выставивъ больше того, что они обязаны были выставять полковъ, сотенъ и батарей, явились на поле брани и совершили множество подвиговъ.

По примѣрамъ прошлаго нетрудно угадать, что послѣдовало бы для казаковъ, если бы война была доведена до побѣднаго конца и Россія не испытала страшнаго революціоннаго потрясенія: — новыя грамоты, новое закрѣпленіе за казаками ихъ правъ на земли со всѣми угодьями, признаніе за ними ихъ права соблюдать свой казачій бытъ, а можетъ быть — расширение ихъ свободъ...

Но революція все это смѣшала и на смѣну прежняго: — «права вытекаютъ изъ обязанностей», выдвинула новые революціонныя лозунги: — *одни права безъ всякихъ обязанностей.*

Сумасшествіе, охватившее всю Русскую землю весной 1917 года не прошло мимо казачьихъ областей. Въ Донскомъ

войскѣ были выдвинуты лозунги: — народоправства, братства, равенства, быть наспѣхъ на бумагѣ сколочень Юго-Восточный Союзъ изъ Дона, Кубани, Терека и народовъ Сѣвернаго Кавказа. — Много правъ — до права самостоятельно вести переговоры съ иностранными государствами.—и никакихъ обязанностей передъ Русскимъ Государствомъ и передъ центральною Русскою властью, снова, но уже презрительно, названною — «Москва»...

Результаты не замедлили сказаться. Временное Правительство (Керенскаго) потребовало Донскаго Атамана Каледина въ Москву, и, когда онъ не исполнилъ приказа, объявила его мятежникомъ.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы борьба войска Донскаго за свои права (безъ обязанностей) съ Временнымъ Правительствомъ. Временное Правительство было сброшено большевиками и началась борьба казаковъ съ большевиками.

Во время этой борьбы выдвинулась *Общ-Русская*, но по территории пока еще мѣстная власть. — На югѣ: — правительство Деникина, на Востокѣ правительство — Колчака. Казаки и тутъ и тамъ заняли по отношенію къ этимъ правительствамъ *неискреннее* положеніе. Много и сильно говоря о своихъ *правахъ* — они часто и почти всегда въ рѣшительные моменты жизни добровольчески Русскихъ армій *уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей*.

Мы здѣсь не будемъ касаться очень сложныхъ причинъ крушенія «бѣлаго» движенія. Послѣ трехлѣтней, страшной, кровавой борьбы оно было придавлено, загашено. — Коммунистическая власть вовсе не стала разговаривать съ казаками объ ихъ правахъ. Она предъявила къ нимъ только требованіе: исполнить новыя, возложенныя на нихъ третьимъ интернаціоналомъ обязанности. Казаки, какъ отдѣльное воинское сословіе, были уничтожены. Быть, гдѣ только можно, задавленъ. Сильные, волевые люди, не ушедшіе за границу съ бѣлыми арміями — разстрѣляны или сосланы. Войсковое казачье самоуправленіе уничтожено. Земля раздѣлена между разными губерніями (Украинской республикой, Донецкой и Царицынской). На казачьи земли вселены Русскіе колонисты изъ числа безработныхъ, евреи, нѣмцы и итальянцы. Нѣдра и рыбные промыслы отобраны. «Образъ служенія казакамъ свойственный» нарушенъ — казаки заурядъ съ осталь-

нымъ населеніемъ отбываютъ повинность въ красноармейскихъ пѣшихъ и конныхъ частяхъ. Казачьи традиціи уничтожены. Разгромъ казачьихъ войскъ полный. Самые имена ихъ стерты...

При такихъ-то обстоятельствахъ новой Россіи придется разбирать вопросъ, какъ ей поступить съ казаками. Продолжать ли разгромъ, начатый большевиками, признавъ, что казаки свое отжили, что они отошли въ прошлое и что они не нужны, а, можетъ быть, даже и опасны для Государственной центральной власти, или бережно восстанавливать ихъ воинское братство, эту летучую, *вѣрную Россіи* конную силу, живую охрану русскихъ національныхъ границъ и внутренняго государственнаго порядка.

Все будетъ зависѣть отъ самихъ казаковъ. Если они послушаютъ демагоговъ и будутъ настаивать на своихъ правахъ внѣ обязанностей, будутъ желать образованія «автономнаго», или даже самостоятельнаго («федерація») Юговосточнаго союза, который совершенно отрѣжетъ Россію отъ Южныхъ морей и Кавказа, лишитъ ее питательныхъ жизненныхъ частей, если они будутъ талдычить и упрямо, какъ индюки, болботать: «народоправство, братство, равенство» — *никакая центральная власть ихъ не потерпитъ*, но, использовавъ начатое большевиками, она доверитъ «рассказаніе» казаковъ и обратитъ ихъ въ рядовыхъ «гражданъ».

Если казаки, напротивъ, предложатъ Государству снова стать вѣрной конной охраной его національныхъ границъ, образцомъ честной службы и оплотомъ гражданскаго порядка внутри Россіи, они могутъ рассчитывать на то, что государство согласится вернуть имъ ихъ земли и ихъ особый образъ служенія, ибо государство будетъ не менѣ прежняго нуждаться въ надежной, подвижной *конной* силѣ смѣлыхъ, *вѣрныхъ*, государственно мыслящихъ, не поддающихся пропагандѣ людей.

Новыя границы новой Россіи такъ же ненадежны, какъ были въ XVII вѣкѣ. Ихъ придется закрѣплять и отстаивать. Не только всѣ старыя казачьи войска окажутся при дѣлѣ, но возможно возстановленіе слободскихъ полковъ, созданіе въ Малороссіи особаго Малороссійскаго казачьяго войска, для противовѣса самостоятельному украинскому движенію, для борьбы путемъ мирнаго воспитанія съ полонизаціей и католизаціей

этого Русскаго Края. Сѣверный Кавказъ и Закавказье, Туркестанъ съ его басмачами. Монголія, Манчжурія и Китайъ съ ихъ набѣгами хунхузозъ — это все, какъ разыгравшееся море долго будетъ бить налетами разбойничьихъ шаякъ въ Русскіе берега и ему надо будетъ противопоставить твердый каменный молъ старо-казачьей силы. Казаки будутъ необходимы Россіи.

Внутри Россіи не скоро уgomонится взбаломученное коммунистами народное море. Арміи безпризорныхъ дѣтей и развращеннаго «комсомола» вырастутъ въ цѣлыя разбойничьи банды налетчиковъ, страшныхъ не только крѣпнущему крестьянству, но и городамъ. Руководимые оставшимися коммунистами, вчерашними чекистами, онѣ будутъ стараться терроризировать населеніе и разрушать созидательную работу національнаго правительства. Только легкіе конные казачьи отряды будутъ въ состояніи справиться съ этимъ страшнымъ зломъ. Крѣпкіе духомъ и вѣрою казаки смогутъ внести своею работою успокоеніе по всей Россіи.

Такіе казаки, сознающіе свою обязанность передъ Россіей, готовые ей служить, какъ служили ихъ предки на богатырскихъ заставахъ, ихъ дѣды по окраинамъ Русской земли, ихъ отцы въ легкоконныхъ летучихъ полкахъ — получаютъ отъ правительства новой Россіи и права на земли и самоуправленіе: — это намъ говоритъ вся тысячелѣтняя исторія Государства Россійскаго.

Какъ были казаки необходимо нужны старой Россіи, такъ и новой не обойтись безъ казаковъ.

Казаки же, упрямо болбочущіе: «народоправство, братство, равенство», казачьи «вольности», во имя какихъ-то смутныхъ теорій — *обречены на вымирание и вытѣсненіе иными общерусскими элементами, на нивелировку со всеми.*— Это намъ показали послѣдніе десять лѣтъ, прошедшіе на нашихъ глазахъ.

Каковы обязанности — таковы и права.

Заниматься теперь демагогіей — значитъ уничтожать казаковъ.

П. Красновъ.

О ВЛАСТИ И СМЕРТИ.

Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ...
Пушкинъ.

Сомнѣваться въ томъ, сможетъ ли, сумѣетъ ли Россія выдвинуть изъ своихъ нѣдръ религіозную, волевою и государственно-воспитывающую интеллигенцію,—значило бы сомнѣваться въ самой Россіи и ея будущемъ... Сможетъ. Выдвинетъ. И сама возродится, окрѣпнетъ и возрастетъ. Но чѣмъ скорѣе это совершится, тѣмъ лучше: тѣмъ быстрѣ пойдетъ ея возстановленіе; тѣмъ меньше будетъ крови, меньше страданія, меньше опасностей и безчестія...

И первое, что должна понять и продумать новая русская интеллигенція, это — *волевою природу государства и государственной власти.*

Государственная власть, по самой существенной идеѣ своей, должна принадлежать *сильнѣйшимъ и благороднѣйшимъ*. Ибо приѣмлющій ее приѣмлетъ и осуществляетъ ее именно *волею* и именно *благородной* волею: онъ становится *во главѣ* и *на стражѣ*: во главѣ народа и на стражѣ его святыни; и потому онъ долженъ подготовить свою волю не только къ водительству и понужденію, но и *къ почетной смерти стража и вождя.*

Живя въ государствѣ и строя государство, люди объединяются не просто территоріей или общимъ подчиненіемъ; они объединяются въ совмѣстномъ *волевома напряженіи* и *волевома дѣйстви*; они объединяются для того, чтобы выдѣлять *) и признавать тѣхъ благороднѣйшихъ вождей и тѣхъ сильныхъ и вѣрныхъ стражей, которые призваны творить *за нихъ, для нихъ* и *черезъ* нихъ дѣло всенароднаго единства и расцвѣта. — которые призваны поддерживать и оборонять это единство и блюсти національныя святыни хотя бы *цѣною своей смерти.*

*) Все равно — идетъ ли окончательное рѣшеніе «сверху» или «снизу».

Вотъ почему государственная власть по самому существу своему являетъ эту драму: *борьбы и смерти лучшихъ людей за бытіе и за святыню ихъ народа*. И эта драма, которая яснѣ всего выражается въ обличіи война или солдата, дѣлаетъ *каждаго* гражданина, *причастнаго власти* — воиномъ, стоящимъ на своемъ посту, и стражемъ, готовымъ къ смерти.

Намъ надо понять и продумать это разъ навсегда: кто беретъ власть, тотъ беретъ не только полномочіе и не столько полномочіе, сколько *обязанность властвовать*. Онъ принимаетъ тѣмъ самымъ не только высшій *рангъ* и *почетъ*, но и высшую *ответственность* и *опасность*. И тотъ, кто ищетъ ранга и желаетъ почета, но не хочетъ ответственности и боится опасности, — тотъ является *честолюбцемъ, неспособнымъ къ власти*; и его правленіе только и можетъ привести къ общей гибели.

Возлѣ власти — возлѣ смерти. И сколько лучшихъ людей въ исторіи — царей, вождей, полководцевъ и героев — засвидѣтельствовали эту истину своимъ концомъ!..

Я сказалъ, что государственная власть должна принадлежать сильнѣйшему и благороднѣйшему.

Сильнѣйшему... Я говорю, конечно, не о мускулахъ, не объ оружіи и не о сплоченной массѣ людей. Я говорю о *воли*. Ибо власть есть дѣло воли. Призваніе власти не только въ томъ, чтобы видѣть и понимать; для этого есть люди опыта, люди ума, люди науки, мужи свѣта. Призваніе власти въ томъ, чтобы *выбирать, рѣшать, предписывать, настаивать и понуждать*. Въ этомъ ея дѣло, ея природа, ея назначеніе.

Безвольный или слабовольный властитель — есть внутреннее противорѣчіе, жизненная нелѣпность, духовное погубленіе всего дѣла: онъ подобенъ безрукому, который захотѣлъ бы стать піанистомъ; слѣпому, который рѣшилъ бы писать красками. Здѣсь необходима именно воля и притомъ *сильная воля*: не порывистость, не раздражительность, не истеричность; не суетливое тщеславіе, не крикливость, не вспышкопускательство; но и не упрямство, не ожесточеніе и не жестоковѣйная свирѣпость. Здѣсь необходима способность рѣшать, т. е. сосредоточиваться на *одномъ, на лучшемъ* исходѣ; обрывать всѣ другія «возможности», какъ отвергнутыя; и превращать выбранную возможность въ *необходимость* — и для другихъ, и для себя. Здѣсь нужна устойчивость, достаточная и для себя, и для другихъ; нуженъ импонирующій напоръ: колеблющійся автори-

теть; готовность настоять на своемъ и сломить препятствія; способность пересилить — и *чужую волю*, и *чужое безволие*. Словомъ,—нужна воля, способная къ глубокому, сильному и долгому дыханію: къ глубокому замыслу, къ сильному заряду, къ долгому настаиванію . . .

Нѣтъ этого — и не будетъ власти: будетъ безвластіе, разложеніе. хлябь. Вотъ почему безвольный, идущій къ власти, творить самообманъ и обманъ. Ведущій же безвольнаго къ власти — или глухо губить дѣло, или лукаво лѣпить себѣ маріонетку. Въ обычное время — лучше ошибка сильной власти, чѣмъ вѣрное, но бесплодное мечтаніе слабаго правителя. Въ часъ бѣды — лучше явное и полное отсутствіе власти (спохватятся! создадутъ!), чѣмъ симуляція власти со стороны безвольнаго человѣка или группы безвольныхъ людей.

Понятно, что безвольный царь можетъ стать опаснымъ для своей страны; но именно поэтому *организованное безволие власти*, какъ это бываетъ въ республиканскихъ и парламентарныхъ государствахъ, таитъ въ себѣ не только опасность, но прямую *безвыходность* и *обреченность*. И политическій опытъ русской исторіи давно выразилъ это въ простонародномъ обобщеніи: «лучше грозный царь, чѣмъ семибоярщина» . . .

Отсюда и смыслъ фашизма, какъ мірового явленія: люди ищутъ *волевого* и *государственнаго* выхода изъ организованнаго тупика безволія. Но изъ *тупика* выходъ впередъ — добывается только *проломомъ* . . .

Я сказалъ, что государственная власть должна принадлежать благороднѣйшему . . . Я говорю не о «крови», не о «породѣ», не о «знатности»; тѣмъ болѣе не о богатствѣ. Я знаю цѣну породы, наслѣдственности, преемства и традиціи; и когда все это стоитъ на высотѣ и сочетается съ *личными* качествами души — то достиженіе бываетъ наивысшимъ. Но думаю, что для родины *незнатный герой* драгоцѣннѣе *знатнаго негероя*; и непородистый талантъ выше породистой бездарности; и умъ безъ предковъ способенъ править лучше, чѣмъ тупица съ предками. Что пользы странѣ отъ именитаго глупца или злодѣя? Какого спасенія, какого подвига можно ждать отъ человѣка, «благороднаго» только по имени? Только слѣпой можетъ отрицать духовное значеніе кровной породы и наслѣдственной культуры; но только лукавецъ можетъ утверждать, что порода сама по себѣ есть необходимый «цензъ» или достаточный

«стажъ» для государственнаго строительства и участія во власти.

Къ государственной власти должны восходить *лучшіе* люди. И тотъ, кто требуетъ доказательствъ для этого тезиса, — тотъ однимъ этимъ требованіемъ своимъ обнаруживаетъ упадочность и извращенность современнаго правосознанія. Пусть онъ самъ приметъ на себя бремя доказательства и пусть доказываетъ, что государственная власть должна принадлежать ворамъ, предателямъ, обманщикамъ, взяточникамъ, насильникамъ, безыдейнымъ и безпринципнымъ карьеристамъ... И когда онъ кончитъ и «докажетъ», — мы будемъ знать, что мы выслушали представителя большевицкой стихіи.

Власть *слабаго* губить авторитетъ власти, растить въ странѣ смуту и разложеніе. Власть *порочнаго* съѣтъ въ странѣ порокъ, накопляетъ вокругъ власти атмосферу презрѣнія, подрываетъ и форму, и содержаніе народной жизни. Всегда и всюду такъ бывало: достаточно порочной власти утвердить «ставку на подлеца» — и подлость становится государственнымъ цензомъ и стажемъ; люди начинаютъ отбираться кверху по степени своей явной низости или скрытой безпринципности; выше всѣхъ становятся отъявленные злодѣи и матерые плуты, а вокругъ нихъ располагаются лагеремъ преуспѣвшіе мошенники и приспособившіеся лукавцы; слагается политическая атмосфера, въ которой *всѣ* оказываются вынужденными судить и поступать примѣнительно къ подлости и въ которой люди, лишенные экзистенць-минимума изворотливости и кривизны, — обречены на прямую гибель...

Здоровая государственная власть означаетъ волевою ставку на благородство: на патріотизмъ, на совѣсть, на честь, на вѣрность, на служеніе. Только тотъ государственный строй на высотѣ, который *дѣйствительно организуетъ отборъ такихъ* людей, *лучшихъ* людей—къ власти; и всякій другой строй (какое бы историческое названіе онъ ни носилъ — «самодержавіе» или «демократическая республика») — обреченъ на разложеніе и крушеніе. Это — духовно и исторически *неоспоримая аксіома*. И если греческій терминъ «*áристось*» (= лучший) понимать въ его настоящемъ и строгомъ смыслѣ, то естественно поставить вопросъ: послѣ опыта русской революціи — кто можетъ, кто смѣетъ отрицать *аристократическую природу государственности?!...*

Во главѣ народа и на стражѣ его святыни должны стоять сильнѣйшіе и благороднѣйшіе люди. Это намъ надо принять, именно какъ аксіому. И не надо позволять лукавымъ софистамъ разлагать эту аксіому ссылкой на то, что все на свѣтѣ «относительно», и что для «воли» и «благородства» нѣтъ твердаго и объективнаго мѣрила. Это мѣрило *есть*; его надо только продумать до конца ¹⁾ и усвоить, какъ ненарушимое правило поведенія: какимъ бы путемъ люди ни выдѣлялись *къ власти* (именно къ власти, а не къ совѣту)—сверху (назначеніемъ) или снизу (выборами)—ни *безвольные добряки*, ни *вольные подлецы* не должны ни выдвигаться, ни поддерживаться. Ни въ силу того, что это люди «моей партіи» или «нашей тайной организаціи»; ни потому, что «иначе они мнѣ навредятъ»; ни отъ того, что «все равно я больше никого не знаю»; ни по какимъ бы то ни было другимъ соображеніямъ... Кто идетъ по этому пути, тотъ *кривитъ душою, нарушаетъ* свою государственную *присягу и предаетъ* свою *родину*. Ибо это есть прямое предательство — ставить лукаваго авантюриста во главѣ народа или вручать общее спасеніе безвольному болтуну; и это есть гибельное легкомысліе — выдвигать къ власти слабовольнаго попустителя или ставить завѣдомаго подлеца на стражѣ народной святыни...

И пусть никто не говоритъ, что это «элементарно» или «общезвѣстно»; что это якобы «старая пропись»... Ибо изъ за попранія этой аксіомы Россія рухнула на нашихъ глазахъ...

Стать у власти значить стать возлѣ смерти. Но только сильнѣйшіе и благороднѣйшіе способны чувствовать это и осуществлять на дѣлѣ.

Властвующій стоитъ передъ смертью не только въ томъ смыслѣ, что долгъ нерѣдко требуетъ отъ него крайнихъ и непосильныхъ для его здоровья трудовъ и напряженій или участія въ общихъ опасностяхъ. Смерть была близка не только тогда, когда Петръ Великій сражался подъ Полтавой или спасалъ тонущихъ на Лахтѣ; или когда Фридрихъ Великій велъ свои войска въ атаку; или когда Наполеонъ въ Египтѣ навѣщалъ чумные лазареты; или когда Столыпинъ боролся съ революціоннымъ разваломъ и годами работалъ по 18 часовъ въ сутки.

¹⁾ См. статью Старога Политика «О политической работѣ» в № 1 «Русскаго Колокола».

Иѣтъ, идея *борьбы на смерть* сокрыта въ самомъ принципѣ государственной власти . . .

Дѣло въ томъ, что получающій власть (безразлично, въ какомъ объемѣ), получаетъ въ свое распоряженіе часть *драгоценнѣйшаго всенароднаго достоянія*, выношеннаго и выстраданнаго вѣками. Возможность творить и ограждать, организовывать и строить авторитетными велѣніями — есть общенародное сокровище, плодъ многихъ страданій и долгой культуры. Это есть нѣкое «казенное добро»; и вѣрный часовой охраняетъ его даже цѣною своей жизни, соблюдая ввѣренный ему *государственный авторитетъ* — неумаленнымъ, непопорченнымъ и не растраченнымъ. Напротивъ, проматывая авторитетъ ввѣренной ему власти, властвующій совершаетъ подлинную *растрату національнаго достоянія*, все равно — подрываетъ ли онъ этотъ авторитетъ самъ, своею пассивностью и своими злоупотребленіями, или позволяетъ другимъ захватывать и расхищать ввѣренную ему власть. Исторія взыщетъ съ него, какъ съ нерадиваго часового . . .

Властвующій *призванъ* къ тому, чтобы блюсти ввѣренную ему часть государственной власти, и не можетъ *не имѣть права* погасить эту обязанность одностороннимъ отказомъ. Часовой не можетъ «самъ себя смѣнить» съ поста. Правитель не можетъ произвольно «выйти изъ игры» или предпочесть бездѣйствіе. Односторонне отказываться можно только отъ имущественныхъ полномочій, но не отъ публичныхъ обязанностей. Смѣнить меня можетъ лишь тотъ, кто поставилъ; уволить меня можетъ лишь тотъ, кто имѣетъ право назначить мнѣ преемника. Для всѣхъ же остальныхъ — въ объемѣ моей обязанности — я авторитетъ. *И борьбу за этотъ авторитетъ я обязанъ вести на жизнь и на смерть.* Штатскій революціонеръ не можетъ смѣнить часового у казеннаго сундука: часовой можетъ быть имъ застрѣленъ, но не смѣненъ. Солдаты не могутъ уволить офицера. Городская дума не въ силахъ «отстранить» командующаго войсками. Чиновники департамента не въ состояніи дать отставку министру. Толпа не можетъ погасить *обязанностей Императора!* . . .

Государственная власть имѣетъ значеніе *рока* для того, кто ее принимаетъ. Берущій ее — связываетъ съ нею свою *судьбу* и остается связаннымъ властью до тѣхъ поръ, пока она не будетъ *правомѣрно и преемственно* сложена съ него. Ведущій ве-

дети не только на успѣхъ, но и на опасность. Успѣхъ даетъ ему «лавры» . . . А предвидѣніе опасности . . . — даетъ ему основаніе сложить съ себя все обязанности? Повелѣвающій повелѣваетъ не только послушнымъ, но и *непослушнымъ*; и къ этому онъ долженъ быть готовъ заранѣе. Пока ему повинуются добровольно — онъ «силенъ»; но какъ только появляются люди, достаточно дерзкіе для неповиновенія . . . — такъ онъ признаетъ свою «слабость» и слагаетъ власть? . . .

Нѣтъ. Въ самой природѣ государственной власти заложена эта обязанность: или понудить и сломить непокорнаго; или *погибнуть на своемъ посту*. И въ этомъ смыслѣ идея *воинскаго* долга и *воинской* чести является глубокимъ и зрѣлымъ прообразомъ *гражданской* чести и гражданского долга: она не знаетъ ни *односторонняго отреченія*, ни *малодушнаго уговариванія*.

Государственная власть есть подлинная и живая *драма*, въ которой рѣшеніе вождя и поступокъ стража опредѣляютъ собою судьбу всего народа. Это есть драма воли, благородства, жизни и смерти.

И пусть грядущія поколѣнія Россіи глубоко продумаютъ и усвоятъ эту истину.

И. А. Ильинъ.

ОЧЕРКИ ПО РУССКОМУ АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.

1. О русском малоземелии.

Характернѣйшей чертою, рѣзко отличающей земельно-хозяйственныя отношенія нашей Родины отъ всѣхъ остальныхъ государствъ цивилизованнаго міра — является своеобразное распределеніе земельной площади между различными категориями владѣльцевъ.

По моимъ вычисленіямъ на 1 января 1916 года площадь *частнаго* землевладѣнія въ Европейской Россіи *) составляла 234.255.000 десятинъ, т. е. 63,33% всей земельной территоріи Евр. Россіи. Земли *публично-правового* владѣнія составляли площадь около 150.000.000 десятинъ; но подавляющая масса ихъ находилась подъ лѣсами и свыше 27.000.000 десятинъ было подъ тундрами. За вычетомъ лѣсовъ и неудобныхъ земель, отъ всей площади публично-правового владѣнія оставалось всего 10.497.000 десятинъ, годныхъ для сельскаго хозяйства **), т. е. всего 5,5% сельскохозяйственной территоріи, находившейся въ рукахъ *частныхъ* владѣльцевъ.

Насъ будутъ интересовать здѣсь земли *частнаго* владѣнія. При этомъ подъ *трудовымъ* (крестьянскимъ) владѣніемъ мы будемъ подразумѣвать участки до 50 десятинъ ***). Такіе участки, какъ показываетъ статистика, обрабатываются при русскихъ хозяйственныхъ условіяхъ (по общему правилу) *трусами хозяина и его семьи, безъ обращенія къ наемному труду*. Вла-

*) Въ границахъ 1914 года, за исключеніемъ Финляндіи и Польши. Въ этихъ очеркахъ я вообще имѣю въ виду дореволюціонную Россію.

***) Изъ этихъ 10 497 362 десятинъ *публично-правового* владѣнія, пригодныхъ для сельскаго хозяйства, принадлежало: *государству* и *удѣламъ* 3 693 426 дес.; *монастырямъ* 739 777 дес.; *церквамъ* 1 871 853 дес.; *городамъ* 2 042 570 дес.; *Крестьянскому банку* 2 149 731 дес.

***) Эта квота не одинакова для разныхъ странъ. Въ странахъ съ интенсивнымъ земледѣліемъ она будетъ, конечно, ниже — до 40 и 20 гектаровъ.

дѣнія же и хозяйства свыше 50 десятинъ — мы будемъ называть *капиталистическими*, ибо для обработки такихъ участковъ труда хозяина и его семьи *недостаточно* и приходится *прибѣгать къ наемному труду*.

Обращаясь къ землямъ частнаго владѣнія, мы видимъ, что въ рукахъ трудовыхъ хозяевъ (крестьянъ) было всего 165.786.000 десятинъ, а въ рукахъ капиталистическихъ владѣльцевъ было всего 68.472 000 десятинъ. Въ эту послѣднюю сумму включены земли владѣльцевъ *всѣхъ* категорій: и дворянъ, и купцовъ, и почетныхъ гражданъ, и лицъ крестьянскаго сословія (свыше 50 дес.), и акціонерныхъ компаній, и иностранцевъ и т. д. Такимъ образомъ изъ общей площади *частнаго* землевладѣнія (включая и *лѣса*) на долю *трудового* владѣнія приходилось 70,77%, а на долю капиталистическаго 29,33%.

Но такъ какъ насъ интересуютъ преимущественно земли *сельско-хозяйственнаго* значенія (т. е. за исключеніемъ *лѣсовъ*), то для нихъ исчисленіе будетъ иное. Если исключить *лѣса* изъ капиталистическаго владѣнія (26.704.000 дес.) и изъ трудового-крестьянскаго владѣнія (11.057.000 дес.), то земель *сельско-хозяйственнаго* значенія окажется: въ капиталистическомъ владѣніи 41.768.000 дес., а въ рукахъ крестьянъ 154.729.000 дес. Иными словами: изъ *всей* территоріи сельско-хозяйственнаго значенія (196.497.000 дес.) на долю трудового-крестьянскаго землевладѣнія приходилось 79%, а на долю капиталистическаго 21%. Если же исключить Прибалтійскій и Сѣверо-Западный районъ *), то для *чисто-русскихъ* районовъ общая площадь земель сельско-хозяйственнаго значенія опустится до 173.556.856 дес.; изъ нихъ на долю крестьянскаго землевладѣнія придется 139.549.549 дес., а на долю капиталистическаго 34.007.307 дес. Такимъ образомъ, въ чисто-русскихъ областяхъ процентъ крестьянскаго землевладѣнія достигалъ 80.4%, а процентъ капиталистическаго — доходилъ до 19,6%.

Итакъ *четыре пятыхъ* всѣхъ земель сельскохозяйственнаго значенія Европейской Россіи, находившихся въ частномъ владѣніи принадлежало крестьянамъ и лишь *одна пятая* часть — капиталистамъ всѣхъ сословій, званій и видовъ.

Это — первая и основная черта русскихъ земельно-хозяйственныхъ отношеній.

*) По наименованію официальной статистики довоеннаго времени.

Чтобы оцѣнить значеніе этой процентной величины надо сопоставить ее съ соотвѣтствующими данными для другихъ странъ.

Такъ, въ *Германіи*—земли, находящіяся *подъ капиталистическою обработкою* ^{*)} составляли въ 1907 году 51,5% всей площади сельско-хозяйственного значенія (т. е. за исключеніемъ лѣсовъ); а въ крестьянскомъ пользованіи было всего 48,5%. Въ Пруссіи у капиталистовъ было 59,4%, а у крестьянъ 40,6%. Изъ 26 государствъ, входящихъ въ составъ Германіи, только 3 государства даютъ процентъ площадей капиталистическаго *хозяйства* меньшій, чѣмъ процентъ капиталистическаго *земле-владѣнія* въ Россіи въ цѣломъ ^{**)} (а именно: Вюртембергъ — съ 19,6% площади капиталистическаго хозяйства; Бадень — съ 12,2% и Гессень — съ 14,5%). Въ Пруссіи нѣтъ ни одной провинціи съ процентомъ капиталистическаго хозяйства ниже 20,88% (маленькій Гогенцоллернъ; провинція Гессень-Насау—дастъ 22,42%. Рейнская провинція—23,52% и т. д.). Для шести восточныхъ провинцій Пруссіи (въ среднемъ) площадь *подъ капиталистическими хозяйствами* достигаетъ 65,5%; для семи западныхъ провинцій (промышленныхъ) — 46,61%. У насъ *ни одинъ районъ не давалъ такого высокаго процента для площади капиталистическаго владѣнія* ^{***)}.

Во *Франціи* — площадь земель, находящихъся *подъ хозяйствами*, превышающими 40 гектаровъ (= 36,3 десятины) составляла въ 1892 году 45%; а во Франціи очень развиты арендныя отношенія и многія крупныя крестьянскія хозяйства основаны на землѣ, арендованной у крупныхъ владѣльцевъ: очевидно, площадь *крупнаго капиталистическаго владѣнія*

^{*)} Т. е. обрабатываемая при помощи наемнаго труда. Надо замѣтить, что часть земель крупнаго владѣнія въ Германіи сдается въ крестьянскую (трудоую) аренду и по германской сельскохозяйственной статистикѣ 1907 г. она числилась *подъ трудовыми крестьянскими хозяйствами*. Изъ этого видно, что въ Германіи *подъ капиталистическими владѣніями* земли больше, чѣмъ 51,5%; ибо этотъ процентъ показываетъ не количество *владѣмой* земли, а способъ ея *дѣйствительной обработки* (съ примѣненіемъ наемнаго труда).

^{***)} Попрежнему въ границахъ 1914 года, за исключеніемъ Польши и Финляндіи.

^{***)} См. подробнѣе мою книгу «Основные тенденціи въ мобилизации земельной собственности и ихъ социальна-экономическіе факторы». Прага, 1925, стр. 307 и слѣд.

значительно больше 45%, т. е. *многимъ больше, чѣмъ въ Россіи* *).

Бельгію принято считать страной съ наиболѣе измельчен-нымъ землевладѣніемъ. «До сихъ поръ свѣдѣнія о числѣ земельныхъ собственниковъ», говоритъ Rowntree, «собирались въ каждой изъ 2.627 общинъ (communes) въ отдѣльности и эти данныя посылались ежегодно въ центральное статистическое учрежденіе. Числа земельныхъ собственниковъ, полученные отъ отдѣльныхъ общинъ *суммировались* и *итогъ* опубликовывался бельгійскимъ правительствомъ въ официальныхъ статистическихъ ежегодникахъ, какъ данныя о числѣ земельныхъ собственниковъ въ Бельгіи». Между тѣмъ землевладѣніе въ Бельгіи крайне разбросано очень мелкими кусками (даже 1 гектаръ и меньше) и «земельные собственники въ Бельгіи имѣютъ землю перѣдко въ двадцати, тридцати, сорока, даже сотнѣ и болѣе коммунъ. Такимъ образомъ, въ указанныхъ статистическихъ ежегодникахъ, земля, принадлежащая одному лицу, владѣющему, скажемъ, по одному акру въ двадцати различныхъ коммунахъ, считалась бы, при описаніи способѣ исчисленія, за двадцатью различными собственниками, владѣющими каждый по одному акру». Между тѣмъ какъ передъ нами былъ бы *одинъ* собственникъ, владѣющій двадцатью гектарами **).

Не будемъ касаться причинъ, создавшихъ такое своеобразное положеніе въ Бельгіи, въ которой развито арендаторское, преимущественно продовольственно-трудовое хозяйство. Rowntree попытался объединить эти разбросанныя владѣнія и оказалось, что площадь земли, находящейся въ собственности у лицъ, владѣющихъ участками до 20 гектаровъ, составляетъ 39.05% всей земельной площади частнаго землевладѣнія безъ лѣсовъ. Если мы отнесемъ ихъ къ категоріи трудовыхъ владѣній, то на долю капиталистическаго землевладѣнія въ Бельгіи придется 61,95%.

Sapienti sat!

Передъ нами несомнѣнный фактъ величайшаго значенія. Ясно, что *государства европейскаго континента раздробили*

) Французскія данныя включают и лѣсную площадь. Выше мы видѣли, что со включеніемъ лѣсовъ земли капиталистическаго владѣнія въ Россіи достигали 29,33%.

**) В. Seeborn Rowntree „Land and Labour. Lessons from Belgium“. London 1910. p. 44—45.

свою землю въ значительно меньшей степени, чѣмъ это сдѣлала Россія до революціи. Я не говорю уже объ Англіи и странахъ Новаго Свѣта ^{*)}. Я не касаюсь также и Сибири, этой страны почти исключительно *крестьянскаго* землевладѣнія (наряду съ землями публично-правового владѣнія)...

Читатель согласится со мною, что приведенныя данныя позволяютъ уже сдѣлать заключеніе, что въ Россіи до революціи земель капиталистическаго владѣнія въ процентномъ отношеніи было меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ міра. Я знаю, что этотъ фактъ противорѣчитъ общераспространенному взгляду на Россію, какъ на страну «преимущественно крупнаго землевладѣнія», — и все же это фактъ несомнѣнный! Въ Европейской Россіи $\frac{1}{5}$ всей сельскохозяйственной площади принадлежало передъ революціей крестьянству, также какъ и почти вся частновладѣльческая земля въ Сибири... Россія «окрестьянила» свое землевладѣніе болѣе, чѣмъ какая-либо другая цивилизованная страна въ мірѣ.

Но наряду съ этимъ, несомнѣннымъ и основнымъ фактомъ, существуетъ еще другой, столь же несомнѣнный и столь же основной фактъ, а именно: несмотря на то, что почти вся сельскохозяйственная территорія Россіи принадлежала крестьянству, въ нашей странѣ несомнѣнно существовало малоземелье. Это означать, что крестьянство на своей земль не могло использовать сколько нибудь полно своего труда: оно было безработно въ своемъ собственномъ хозяйствѣ и не могло добыть въ немъ доходъ, достаточный для безбѣднаго существованія. И это въ Россіи было бѣдствіемъ, объединявшимъ ее съ Румыніей и Восточной Галиціей.

По отношенію къ этому второму факту передъ нами встаетъ рядъ вопросовъ.

Дѣло въ томъ, что во *всѣхъ* странахъ со сколько нибудь развитою хозяйственною жизнью — трудовыя хозяйства не въ состояніи просуществовать исключительно отъ своего собственного хозяйства на своей земль: ни труда своего сколько нибудь

^{*)} Великобританія является классической страной крупнаго землевладѣнія. Въ 1895 году число всѣхъ землевладѣльцевъ Великобританіи составляло всего 3,3% населенія. 91% всей площади сдавался въ аренду. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1900 году подъ хозяйствами отъ 0 до 40 гектаровъ земли было всего 25,76% всей культурной площади. Всѣ эти и другія статистическія данныя требуютъ обстоятельнаго анализа и комментирования, для котораго здѣсь къ сожалѣнію нѣтъ мѣста.

полно они на своей землѣ занять не могутъ, ни достаточнаго дохода отъ своего хозяйства получить не могутъ. Это имѣеть мѣсто, напримѣръ, въ Германіи. Но въ этой странѣ «незанятый» въ собственномъ хозяйствѣ трудъ крестьянина *уходитъ на сторону*—въ промышленность, въ крупное сельское хозяйство и т. д. Тамъ незанятые члены крестьянской семьи находятъ себѣ занятіе въ качествѣ наемныхъ рабочихъ; отъ этого они получаютъ доходъ и на полученную заработную плату приобрѣтаютъ тѣ предметы личнаго и хозяйственнаго потребленія, которые не производятся въ ихъ собственномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. И потому въ Германіи фактъ невозможности приложить полностью свой трудъ на *собственной* землѣ въ *собственномъ* хозяйствѣ, и недостаточность дохода отъ своего хозяйства для удовлетворительнаго существованія — не являлись ни личнымъ, ни тѣмъ болѣе социальнымъ бѣдствіемъ; ни безработицы, ни отсутствія экзистенць-минимума этимъ не создавалось.

Населеніе Россіи къ 1 января 1914 года, по исчисленію Центрального Статистическаго Комитета, во *всей* Имперіи составляло 178.378.800 человекъ; а въ промышленности, въ горномъ и горнозаводскомъ дѣлѣ, въ транспортѣ и строительномъ дѣлѣ было занято всего 5½ миллионъ наемныхъ рабочихъ. Иными словами: въ указанныхъ внѣземлѣдѣльческихъ отрасляхъ было занято лишь 3,1% *всего населенія*. Ясно, что хозяйствующее населеніе Россіи было, такъ сказать, *сбито* на сельское хозяйство. Но, по исчисленію статистиковъ для 1905 года, если взять *всю* землю сельскохозяйственнаго значенія (включая и надѣльную крестьянскую землю, и землю купленную крестьянами, и арендованную ими, и землю крупныхъ владѣльцевъ, состоявшую въ ихъ собственной капиталистической обработкѣ). — то и *на всей этой землѣ около 62% всего крестьянскаго труда не могло бы найти себѣ занятія* . . .

Но такъ какъ земля сельскохозяйственнаго значенія на четыре пятыхъ (т. е. почти вся!) принадлежала крестьянству, то крестьянское населеніе вынуждено было хозяйничать главнымъ образомъ на своей собственной землѣ. И очевидно *вся* безработная масса крестьянскаго труда ложилась тяжелымъ бременемъ именно на крестьянскую землю и на крестьянское хозяйство: крестьянство должно было въ подавляющей своей массѣ кормиться на своей собственной землѣ, только ее об-

рабатывать, хотя оно и было *больше чѣмъ на $\frac{2}{3}$ безработно въ собственномъ хозяйствѣ*. Оно должно было существовать только на доходъ отъ хозяйства на своей землѣ, хотя этотъ доходъ былъ недостаточенъ даже для удовлетворительнаго продовольствованія . . .

Но эта *безработица въ собственномъ хозяйствѣ* была только *выявленіемъ и мѣрою безработицы во всемъ народномъ хозяйствѣ Россіи*; а недостаточность крестьянскаго дохода, не дававшая порою не только культурнаго, но даже и физиологическаго экзистенць-минимума, была *выявленіемъ и мѣрою отсутствія экзистенць-минимума во всемъ народномъ хозяйствѣ страны*. Крестьянству некуда было «податься» со своего хозяйства и со своей земли и негдѣ было найти себѣ работу и заработокъ во всемъ народномъ хозяйствѣ Россіи; и потому его безработность и недостаточность его дохода въ *собственномъ хозяйствѣ* являлись *бѣдствіемъ* не только *личнымъ*, но и *соціальнымъ*. Все это было выраженіемъ и мѣрою *слабago развитія производительныхъ силъ страны, не могущей ни занять всѣхъ рабочихъ силъ своего населенія, ни удовлетворительно продовольствовать его* . . .

Такова сложная природа *русскаго «малоземелья»*, образующаго центральный пунктъ и *основную проблему русскаго аграрнаго вопроса*.

Русское «малоземелье» есть продуктъ и слѣдствіе *всеобщаго* (т. е. не только для сельскаго хозяйства, но и для *всего* народного хозяйства) *относительнаго* (т. е. при *данномъ* уровнѣ развитія народного хозяйства, который можетъ и измѣниться) *перенаселенія*. Это значить, что *развитіе производительныхъ силъ* всего народного хозяйства *отставало отъ роста населенія*, такъ что это послѣднее (при существовавшихъ хозяйственныхъ условіяхъ) не могло ни занять свой трудъ въ народномъ хозяйствѣ, ни создать себѣ экзистенць-минимумъ . . .

Сообразно съ этой своей природой, русское «малоземелье» и проявлялось въ разныхъ сторонахъ *соціально-экономической жизни*. Напримѣръ: у крестьянства на своей землѣ производилось недостаточно хлѣба для того, чтобы продовольствоваться вволю; заработки же на сторонѣ были скудны и не было достаточныхъ средствъ для того, чтобы прикупить нужное количество продовольствія, хотя хлѣбъ и существовалъ въ странѣ. Поэтому, хотя въ странѣ и достаточно производилось

хлѣба для удовлетворительнаго прокормленія населенія, однако среднія продовольственныя нормы крестьянскаго населенія оставались въ Россіи низкими, а хлѣбъ вывозился въ большомъ количествѣ въ городъ и за границу. Само собою разумѣется, что *революція только ухудшила и притомъ значительно ухудшила все это положеніе дѣла.*

Изъ всего этого мы можемъ уже теперь сдѣлать цѣлый рядъ выводовъ.

Такъ, прежде всего, *количественная теорія русскаго малоземелья и аграрнаго вопроса должна быть оставлена.* Утвержденіе, будто все зло заключалось въ неправильномъ распредѣленіи земли между крупными владѣльцами и крестьянами, и будто достаточно измѣнить это распредѣленіе земли въ Россіи въ смыслѣ большей уравнительности, чтобы все исправилось — эта *количественная* теорія малоземелья и этотъ *количественный* способъ разрѣшенія аграрной проблемы побивается количественными же данными и соображеніями. У крестьянства уже передъ революціей было $\frac{4}{5}$ всей сельскохозяйственной территоріи Россіи и присоединеніе оставшейся $\frac{1}{5}$ части *не могло измѣнить положенія дѣла.* Будемъ помнить о тѣхъ 62% крестьянскаго труда, которые уже въ 1905 году не могли найти себѣ занятія въ сельскомъ хозяйствѣ: эти 62% остались бы *незанятыми* и *послѣ* передачи *всей* земли крестьянству. Безработица въ собственномъ хозяйствѣ, — а въ сущности во всемъ народномъ хозяйствѣ Россіи, — и неполученіе достаточнаго дохода *остались бы попрежнему* и даже *еще увеличились бы*, такъ какъ современное крестьянское хозяйство *давало бы попрежнему меньшій урожай съ десятины*, чѣмъ тотъ, который давало владѣльческое хозяйство.

Далѣе, выше развитый анализъ показалъ намъ, что «малоземелье» въ Россіи было *продуктомъ и результатомъ* условій *всего народнаго хозяйства* Россіи: въ «малоземельѣ» отображались всѣ соціально-экономическіе и культурно-правовые недуги нашей страны. Въ чисто экономической сферѣ всѣ эти недочеты сказывались въ *слабомъ развитіи производительныхъ силъ* нашего народнаго хозяйства. Очевидно, для выхода изъ трудностей положенія необходимо было *развитіе производительныхъ силъ всего народнаго хозяйства Россіи*, какъ сельскаго, такъ и *внѣ-сельскохозяйственныхъ областей.* При этомъ землю

слѣдовало разсматривать, какъ *средство производства* и она *должна была быть использована наиболее производительнымъ способомъ*, — безразлично, въ формѣ ли капиталистическаго хозяйства, или хозяйства крестьянско-трудоваго, какъ, по обстоятельствамъ времени и мѣста, это оказалось бы наиболее рациональнымъ для народно-хозяйственныхъ потребностей и *для интересовъ Россіи въ цѣломъ*. Ни одно изъ нихъ — ни капиталистическое, ни трудовое хозяйство — не являлось въ Россіи совершенствомъ, но каждое изъ нихъ отличалось существенными особенностями и *вовлечь замѣнить другое не могло*.

Количественная теорія малоземелья и аграрнаго вопроса носитъ на себѣ печать *классовой односторонности*: дѣло изображалось такъ, будто *страдаетъ только одинъ классъ*, именно крестьянство. Она не учитывала или почти не учитывала *интересы національнаго цѣлаго, Русскаго Государства*. Въ дѣйствительности же страдало *все* національное хозяйство. Страдала вся нація. Болѣло все государство. И эта національная болѣзнь выражалась въ недомоганіи всѣхъ частей, всѣхъ членовъ національнаго, государственнаго организма, *въ томъ числѣ и въ особенности* — крестьянства.

Какое пагубное вліяніе оказывало слабое развитіе производительныхъ силъ на финансы страны, на культуру (взять хотя бы школьное дѣло!), на промышленность (недостаточная емкость громаднаго, по численности населенія, внутренняго рынка!), на крупное сельское хозяйство (отсутствіе капиталовъ въ странѣ для веденія интенсивнаго капиталистическаго хозяйства!) и т. д. и т. д. . . И все это въ свою очередь отзывалось на положеніи крестьянства («некуда податься», безработица, недоѣданіе при наличности достаточнаго количества хлѣба въ странѣ) — и въ сущности вызывало и создавало «малоземелье»! . . .

Классовый интересъ, лежавшій въ основаніи «количественной» теоріи и практики аграрнаго вопроса, господствовавшей въ Россіи — былъ *ложнопонятый интересъ крестьянства*. Дѣйствительный же интересъ его — *солидаренъ съ интересомъ національно-государственнаго цѣлаго*. *Нельзя жить только въ классъ, необходимо жить и въ государство!* Надо умѣть сочетать свои классовые интересы съ интересами цѣлаго и, притомъ, — *сочетать черезъ подчиненіе*. Классъ, который поставитъ

свои интересы превыше всего и выше интересовъ государства, противопоставляя ихъ интересамъ этого послѣдняго, и окажется достаточно сильнымъ для того, чтобы осуществить ихъ на дѣлѣ. — неизбежно *разрушитъ государство, но и самъ погибнетъ* . . .

Разумъ вещей, существо дѣла съ желѣзной необходимостью требуетъ постановки аграрной проблемы — а она несомнѣнно встанетъ передъ Россіей вновь! — на *національную основу*: она должна быть разрѣшена *во имя общаго, національнаго интереса*; и тогда она будетъ разрѣшена наилучшимъ образомъ и въ *интересахъ крестьянства*. Это должно быть основнымъ принципомъ реальной, дѣловой политики въ аграрномъ вопросѣ.

Вотъ тѣ существенные выводы, которые можно сдѣлать уже въ настоящемъ очеркѣ.

Проф. В. Косинскій.

КЪ РАЗУМЪНІЮ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Ибо, что можно знать о Богѣ, явно для нихъ: потому что Богъ явилъ имъ...

Но какъ они, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; ...

То и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердецъ ихъ нечистотѣ, такъ что они сквернили сами свои тѣла.

Къ Рим. л. I. 19-24.

На нашу долю выпало жить въ одну изъ кульминаціонныхъ эпохъ матеріализма. Большая часть цивилизованнаго человѣчества зашла глубоко въ этотъ туникъ вслѣдствіе долготлѣνιαго упорнаго насажденія въ жизни матеріализма, — отученія и отвычки отъ духовныхъ идеаловъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ современные нравы, искусство, изобрѣтенія ума. Вся энергія людей служить матеріализму и не ищетъ *духовной* *качественности*.

Золотой телецъ — единственное божество, которое почитаютъ. Его культъ имѣетъ много разновидностей, причемъ служеніе матеріализму часто прикрывается сбивчивыми, обманчивыми лозунгами: *пацифизмъ*, *интернаціонализмъ* и другими ложно человѣколюбивыми объясненіями. Таковъ и *соціализмъ*, соединенный съ ученіемъ о равенствѣ людей, и *демократизмъ* — въ той формѣ, въ которой большинство демократовъ этотъ терминъ сегодня понимаютъ. Но суть вопроса, несмотря на все искусство маскировки, всегда одна и та же: матеріальное благополучіе превращено въ высшее благо, первенство его бдительно и всемѣрно охраняется и для этого блага людей учатъ жертвовать всѣми духовными цѣнностями и идеалами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ жизни происходитъ столкновеніе между матеріальными цѣнностями и духовными.

Мы можемъ прослѣдить, какъ отъ энциклопедистовъ XVIII вѣка, черезъ ученія позитивистовъ всѣхъ отбѣнковъ.

через блестящія достиженія естествознанія и техники — идетъ восходящая линія матеріализма. Но вершины своей она достигаетъ въ большевизмѣ, съ его механизацией жизни, съ его открытымъ отрицаніемъ духовнаго начала и личности, — въ большевизмѣ, который и является самой конденсированной и открытой формой матеріализма.

Большевизмъ есть дерзкій вызовъ, брошенный міру матеріализмомъ, зарвавшимся и открывшимъ свое лицо; вызовъ основному закону вселенной — закону духовной эволюціи, закону индивидуализма. Весь міръ услышалъ этотъ вызовъ, брошенный поработителями Россіи и отлично понялъ, что это есть посягательство на истинную культуру и достоинство человѣчества; что большевизмъ не совмѣстимъ съ тѣмъ самымъ главнымъ, чему учили и учать дѣтей и взрослыхъ въ церквахъ, школахъ и судахъ. И тѣмъ не менѣе, культурный міръ *не выявилъ общаго чувства возмущенія*, духовной реакціи. Сознаніе человѣческаго достоинства не было настолько сильно и живо въ немъ, чтобы поднять народы на общій активный протестъ и борьбу съ большевизмомъ. Напротивъ, почти всѣ народы, капитулировали одинъ за другимъ, *духовно капитулировали* передъ большевизмомъ, поддавшись соблазну матеріализма.

Имъ казалось, что страданія русскаго народа и разруха въ Россіи *открываютъ возможность наживы*; и вотъ, культурный міръ Европы, считавшій себя хранителемъ духовныхъ достиженій человѣчества, спасовалъ передъ матеріализмомъ и потерялъ свое лицо. Изъ разслабленныхъ рукъ упали въ прахъ передъ золотымъ тельцомъ — и Крестъ, и скрижали заповѣдей, и свидѣтельства своихъ же духовныхъ вождей минувшихъ эпохъ.

Поистинѣ печальную картину представляетъ сегодня культурное человѣчество, втянувшееся въ тупикъ матеріализма; но выходъ изъ этого тупика оно найдетъ только тогда, когда оно постигнетъ *несостоятельность матеріалистическаго міровоззрѣнія*. Иначе и быть не можетъ. Предстоящій путь еще далекъ; это путь индивидуальной духовной эволюціи; и пѣтъ другого пути впередъ. Такъ ведетъ насъ основной, божественный законъ вселенной.

Цѣлый рядъ предметныхъ уроковъ, обычно очень болѣзненныхъ, открываетъ заблудившимся душамъ всю непрочность

и ненадежность матеріальныхъ цѣнностей по сравненію съ духовными. На путяхъ страданія крѣпнеть духовное начало. Эпохи матеріалистическаго закрѣпощенія предшествуютъ эпохамъ духовной побѣды. эпохамъ. духовно-активнымъ для человѣчества. Законъ духовной эволюціи предопредѣляетъ побѣду духа надъ матеріей въ процессѣ постоянного взаимодействія этихъ двухъ началъ. Но законъ этотъ основанъ на принципѣ неравенства, дифференціаціи, и ведетъ онъ насъ не внизъ, по путямъ демократизма, а вверхъ, по путямъ *внутренняго аристократизма*. Отсюда . . . постоянное возвращеніе къ исканію духовной качественности.

Все въ жизни имѣетъ свою цѣль. ничто не теряется и духовное начало побѣждаетъ. И въ данномъ случаѣ мы уже видимъ и осязаемъ эволюціонные уроки: одни за другими государства и націи капитулировали передъ большевизмомъ въ угоду матеріальнымъ цѣностямъ; и одно за другимъ эти государства онцуютъ на себѣ и видятъ на сосѣднихъ организмахъ послѣдствія этой сдачи. Капитуляція передъ матеріализмомъ вызываетъ и вызывала повсюду все тѣ же *симптомы разслабленія*: путаницу въ основныхъ понятіяхъ, беспорядки, стачки, матеріальные убытки, утрату лица. Потери все растущія, потери вмѣсто выгодъ . . . Но, къ сожалѣнію, надо признать, что до сихъ поръ путь къ исцѣленію человѣчества въ общемъ *все еще идетъ внизъ*, въ направленіи матеріалистическаго тупика. Оно бьется объ его стѣны и не хочетъ или не можетъ еще придти къ сознанію того, что причина переживаемыхъ разочарованій и бѣдствій состоитъ въ *духовномъ оскудѣніи нашей эпохи*, что *никакіе политическіе и социальныя сговоры, «комбинаціи» и «ходы» помочь не могутъ*, какъ бы они ни были съ виѣшней стороны *искусно прикрыты* (ибо представители матеріализма, нынѣ ведущіе большинство цивилизованнаго человѣчества, не рѣшаются проповѣдовать его открыто и обычно пытаются искусно скрывать свое міропониманіе). И копыта тельца тщательно, но неудачно задрапировываются.

И все же пренебреженіе духовною правдою есть тщетное усиліе, ибо вселенной и міромъ нашимъ, управляютъ не золото, не банкиры, не пресса, не евреи, не франмasons, не профессиональные союзы и не воля побѣдителя, а управляетъ

одинъ Богъ и Его Премудрость! И Божественная духовная Правда не имѣть соперничающей съ ней силы!..

Мы, конечно, можемъ недоумѣвать, почему Она терпитъ существованіе зла... Но дѣло въ томъ, что мы въ самомъ злѣ должны видѣть *постоянный призывъ* къ исполненію поставленной намъ духовной задачи, для борьбы съ нимъ и одолѣнія его. Эта борьба со зломъ, должна укрѣплять нашу духовную жизнь и придавать ей активность: не допуская равнодушія, постоянно вызывать дѣйственную духовную реакцію. Этотъ постоянный призывъ къ одолѣнію зла предохраняетъ насъ отъ застоя, вызываемаго соблазномъ материалистическихъ цѣнностей. Онъ обезпечиваетъ непрерывное дѣйствіе закона эволюціи въ мірѣ.

Соблазнъ, паденіе, разочарованіе, страданіе, раскаяніе и одолѣніе — въ своей послѣдовательности, слагаютъ тотъ постоянный эволюціонный путь, который каждая душа въ отдѣльности и человѣчество въ цѣломъ все снова проходитъ отъ матеріальныхъ къ духовнымъ цѣностямъ. Страницы исторіи хранятъ для назиданія потомства описаніе и смыслъ прохожденія этого пути, раскрываютъ теченіе человѣческой мысли, человѣческихъ стремленій. Передъ нами проходятъ разнообразныя событія, формы политической жизни, эпохи; но мы не въ состояніи исторически прослѣдить главное — *эволюцію отдельной души*, сокрытую въ глубинѣ личныхъ переживаній и въ то же время въ нучинѣ жизни вселенной. Эта важнѣйшая реальность не поддается микроскопу исторіи. Онъ не открываетъ намъ постоянной связи малаго съ величайшимъ, переходящаго съ непреходящимъ. А между тѣмъ, всѣ потрясенія на нашей планетѣ, физическія или политическія, могутъ сокрушить лишь матеріальныя цѣнности. Царство духа имъ недоступно. Весь нашъ шаръ земной можетъ распылиться подъ дѣйствіемъ космическихъ силъ, но эта катастрофа не уничтожитъ ни единой души. Индивидуальная духовная эволюція есть основной принципъ всего, смыслъ и цѣль жизни.

Если бы мы имѣли возможность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сознательно и конкретно увидѣть и охватить этотъ эволюціонный процессъ, т. е. начало его — когда мы уступаемъ соблазну материализма, и конецъ его — когда наши души, рано или поздно, научившись лучшему и одолѣвъ искушеніе зла, опять вступаютъ на путь духовной эволюціи, съ котораго онѣ

сошли. — то намъ стали бы ясны и истинныи смыслъ возлагаемой на насъ постоянной борьбы со зломъ, и недостойность безразличія. Мы приблизились бы къ пониманію и нашего призванія, и дѣйствія тѣхъ силъ вселенной, источникомъ которыхъ является Божественная Премудрость.

Но сроки эволюціонныхъ этаповъ часто несоразмѣрно велики по отношенію къ тому времени, которое предоставлено намъ Провидѣніемъ. Намъ не дано видѣть впередъ въ будущее на нѣсколько послѣдующихъ этаповъ сразу. Намъ даны лишь начала дорогъ, и вступая на нихъ, мы не въ состояніи увидѣть, куда онѣ насъ поведутъ.

Путь, ведущій изъ туника, предначертанъ Божественнымъ Промысломъ по этапамъ разочарованія, страданія, раскаянія. какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и въ жизни народовъ. Прохожденіе этого пути обыкновенно сопровождается чувствительными, иногда жестокими, предметными уроками. Чѣмъ сильнѣе страданіе, причиняемое неизбѣжными послѣдствіями матеріализма — тѣмъ сильнѣе и глубже бываетъ духовная реакція. Она ведетъ на путь вѣры, а вѣра насъ ведетъ отъ высшаго предѣла знанія на путь Божественной Правды. Благодаря вѣрѣ мы имѣемъ возможность перебраться впередъ, за предѣлы нашихъ физическихъ ощущеній. Вѣра открываетъ тѣсныя границы предоставленнаго намъ пониманія времени. И путь вѣры есть именно путь истинной духовной эволюціи...

Въ переживаемое нами время на русскомъ народѣ сосредоточено сильнѣйшее давленіе, ибо на него обрушились все силы открытаго, откровеннаго матеріализма: онъ проходитъ черезъ совершенно исключительно тяжелыя испытанія; но и духовныя возможности русскаго народа исключительно велики. Онъ никогда не смѣшивалъ понятія *матеріальной полезности* съ понятіемъ о *добрѣ*, что свидѣтельствуетъ о его духовной высотѣ. Но именно потому Русскій народъ, при настоящемъ мировомъ засиліи матеріализма, явно избранъ Провидѣніемъ для того, чтобы освободившись *собственными* и прежде всего *духовными* усиліями отъ большевиковъ и большевизма, показать зашедшему въ туникъ матеріализма человѣку.—что возможна и необходима побѣда духовнаго начала надъ матеріализмомъ.

Предстоитъ генеральное сраженіе; большевики *со всеми изъ союзниками и явными и тайными покровителями*—выступаютъ какъ *единая армія матеріализма*. Главнымъ борцомъ за

духовное начало въ наши дни является *русскій народъ* и въ его предстоящей побѣдѣ не можетъ быть сомнѣнія. И въ этомъ смыслѣ онъ оправдаетъ вѣру тѣхъ, которые, предвидѣли необходимость духовной реакціи противъ все усиливавшагося материализма и, одухотворенные гениемъ своего народа, постигли его великое значеніе и пророчески назвали русскій народъ—«Народомъ Богоносцемъ». Наглядный урокъ торжества духовнаго начала дается въ широкихъ предѣлахъ земли русской, ибо *человѣчество нуждается въ урокъ гигантскихъ размѣровъ*, въ соотвѣтствіи съ глубиною нынѣшняго засилія материализма и той ужасающей разрухой, которую это засиліе уже произвело.

Россія, воскресая духовно, воскреснетъ и физически въ новой силѣ и могуществѣ. Такой великій предметный урокъ побѣды духовнаго начала естественно будетъ имѣть большое значеніе для *всего* человѣчества. Эта побѣда обозначитъ наступленіе новой эпохи — *духовно-активной*. Знаменоносцемъ этой эпохи будетъ Россія въ силу ея духовной побѣды. И всѣ ея страданія послѣднихъ лѣтъ и предстоящее великое одолѣніе составятъ цѣннѣйшій вкладъ, внесенный Россіей въ сокровищницу человѣческой культуры...

Когда это случится, всѣмъ станетъ понятно истинное значеніе идеи «Народа Богоносца»,—носителя Божественнаго духовнаго начала, которое онъ призванъ внести въ среду, нуждающуюся въ этомъ старомъ и все же вѣчно новомъ откровеніи.

Пусть-же тяжелые будни не скроютъ передъ нашими глазами глубокій смыслъ происходящей въ Россіи великой борьбы и не отнимутъ у насъ увѣренности въ предстоящей побѣдѣ русскаго народа!

Г. Г. Бахъ.

О ПОКЛОНЕНИИ ФАКТАМЪ.

«Фактопризнаніе» и «фактопоклонство»... Если хорошо вдуматься въ эти термины, то станетъ вполне ясно, чѣмъ наша идейная и политическая позиція отличается — съ одной стороны отъ настроеній реставраторовъ, у которыхъ по выраженію князя П. А. Вяземскаго «глаза на затылкѣ. *) а. съ другой — отъ канона славословящихъ революцію радикаловъ, отъ всѣхъ ея «пріятелей». Учитывая совершающуюся революцію и все то «новое», что въ результатѣ ея появилось, мы рѣшительно отказываемся не только радоваться ей, но и признавать какія то ея миѳическія «завоеванія», ради которыхъ стоило и надо было ее дѣлать. Смѣшно думать, что исторіи можно скомаандовать «отставить!»; но отвратительно лицедрѣть людей, которые на «плевокъ въ глаза» говорятъ, что это де «Божья роса»... Падши, поклониться и возславить позоръ и паденіе Россіи?... Никогда!.. Но это нежеланіе поклониться идолу революціи и всему тому скудоумному интеллигентскому міровоззрѣнію XIX в., которое отчасти и подготовило крахъ исторической Россіи. *ни въ какой мѣрѣ* не противорѣчитъ глубокой и горячей вѣрѣ въ возрожденіе Россіи и въ новую, уже возрождающуюся Россію. И лишь слабой и бездоказательной демагогіей является высказываемое иногда миѳіе, что рѣшительно отрицать реставрацію можетъ лишь тотъ, кто не только *признаетъ* факты, но кто еще и *поклоняется* имъ (пресловутое «фактопоклонство»!).

Однако эту демагогію очень многіе принимаютъ въ серьезъ. Люди, придерживающіеся дореволюціоннаго трафарета, считаютъ прямо таки логически обязательнымъ то положеніе, что всѣ рѣшительные противники реставраціи тѣмъ самымъ обязаны присягнуть революціонному знамени, обязаны поклониться кумирамъ и идоламъ революціи, принять самую душу ея.

*) Такихъ реставраторовъ у насъ, впрочемъ, *очень мало*...

Мы никогда этой присяги не принесемъ! Мы утверждаемъ безъ всякихъ оговорокъ, что какова бы ни была прежняя Россія. — въ 1917 году надъ нею стряслась величайшая *бѣда*, приведшая ее къ небывалому физическому и моральному *падению* . . .

Но развѣ это связано непременно съ намѣреніемъ произвести «реставрацію»?! Или развѣ противникъ реставраціи долженъ быть непременно поклонникомъ революціи?! Приведу нѣсколько примѣровъ.

Есть ли напримѣръ у японскаго патриота, проклинающаго землетрясеніе, лишившее его семьи и крова, логическая необходимость — туно, слѣпо и упрямо направлять свою ладью на мель или на скалу, образовавшуюся *вслѣдствіе* землетрясенія на мѣстѣ прежняго причала? «Проклинаю» молъ «землетрясеніе и потому не желаю признавать измѣненій, отъ него происшедшихъ»! . . .

Или: должны ли всѣ тѣ, кто квалифицируетъ изнасилованіе, какъ актъ уголовный, избивать на этомъ основаніи всѣхъ дѣтей, отъ этого акта происшедшихъ? «Осуждаю актъ, значить искореняю и его послѣдствія».

Или обратно: обязаны ли мы логически, мы, не только воспринявшіе всѣ отрицательныя послѣдствія татарскаго ига, но иногда несущіе въ своихъ жилахъ самую кровь монгольскихъ насильниковъ (а таковы многіе изъ насъ, и даже съ чисто русскими именами) — благословлять на этомъ основаніи татарское иго и «отрицать» подвиги Александра Невскаго, Михаила Черниговскаго, Дмитрія Донскаго, Осляби, Пересвѣта и всѣхъ, кто стоялъ за русскую землю?! «Принимаю послѣдствія — значить благословляю и причины» . . .

Казалось бы, все это достаточно безспорно и извѣстно нашимъ противникамъ слѣва. . . Но если такъ, то почему же они каждый разъ, когда мы по заслугамъ квалифицируемъ «великую» и «безкровную», приписываютъ намъ или стремленіе къ реставраціи или отверженіе послѣреволюціонной Россіи? Почему, когда мы зло называемъ зломъ, а ночь — ночью, когда мы вспоминаемъ, что въ такомъ-то, напримѣръ, году нашъ ребенокъ чуть не умеръ отъ тифа или чумы, насъ увѣряютъ, что мы его, уже оправляющагося послѣ болѣзни . . . должны ненавидѣть? . . .

Чтобы понять это, надо слегка видоизмѣнить нашъ вопросъ: надо спрашивать не *почему* это дѣлается, а *для чего* . . .

Цѣль совершенно ясна: чтобы «снихнуть» насъ въ глазахъ безпартійной массы въ число людей, не считающихся съ фактами, въ число людей, у которыхъ поэтому «нѣтъ будущаго» и которые завѣдомо обречены на неуспѣхъ. Это главный козырь всѣхъ демагоговъ. Но маневръ этотъ слишкомъ ясенъ и наивенъ. И мы неустанно будемъ изобличать его и парировать.

Всѣхъ «пріятелей» революціи можно раздѣлить на удачныхъ и незадачливыхъ, на пользующихся ея взаимностью и «отвергнутыхъ поклонниковъ». Къ первымъ принадлежатъ господа большевики. Они дѣйствительно могутъ говорить о своихъ «завоеваніяхъ»: они «завоевали» *Росцію*. Ко вторымъ же относятся всѣ тѣ, кто прославляетъ революцію, очевидно въ надеждѣ — терпѣніемъ заслужить ея будущее расположеніе; кто, сидя не въ Москвѣ, а въ Парижѣ, устраиваетъ въ ея честь «получествованія» и «полупраздники». Именно — *получествованія* и *полу-праздники*. Ибо радоваться безъ всякихъ оговорокъ — ужъ очень невыгодно политически и очень ужъ нелѣпо. И именно потому эти «юбилеи» и справляются въ какихъ то полу-праздничныхъ тонахъ. Съ одной стороны, говорится, что собрались не для скорби и не для радости; а съ другой, что все таки есть чему и радоваться... Такъ же говорится и о томъ, какъ *произошла* революція: не то *они* ее дѣлали, не то она «сама сдѣлалась»... Но если она «сама сдѣлалась», такъ чѣмъ же *они* въ то время занимались? фотографіей? Если это былъ «неизбѣжный процессъ», то для чего же они участвовали въ партіяхъ «содѣйствія неизбѣжному»? (Странная это партія — «партія содѣйствія солнечному затмѣнію»...)

У людей не хватаетъ прежде всего мужества для того, чтобы прямо сказать: «мы такъ ненавидѣли прошлое, что лишились разсудка, съ жира бѣсились, ждали революціи, желали ея, содѣйствовали ей; а теперь мы видимъ, что совершили *преступленіе*, каемся въ немъ и ищемъ только способа, какъ бы искупить нашу вину»... Этого они конечно и не скажутъ. Они будутъ восхвалять революцію, не рѣшаясь даже и это сдѣлать открыто: будутъ восхвалять потому, что *восхваленіе революціи есть ихъ личнос оправданіе*; а *открытое* восхваленіе и радость — доступны только большевикамъ, подлиннымъ и единственнымъ завоевателямъ.

Жизнь идетъ впередъ: и прошлаго не вернешь.

Но если господа демагоги, спекулирующіе въ политической борьбѣ понятіемъ «реставраціи», *дѣйствительно боятся ея* — то это означаетъ, что они сами *считаютъ ее возможною*. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, боятся призраковъ!.. А мы, прежде всего, *не вѣримъ въ ея возможность* и потому отказываемся обсуждать вопросъ: «что бы было, если бы было то, чего не будетъ». И если есть русскіе патріоты, очарованные былой красотой, славой и мощью Императорской Россіи, которые вѣрятъ въ эту возможность, хотятъ устроить все «точь въ точь по прежнему», какъ было, и растрчиваютъ свои силы на эти безплодныя мечтанія, — то только объ этомъ въ сущности и стоить говорить съ ними. Реставрація означаетъ точно — возстановленіе, т. е. поставленіе всего на прежнее мѣсто; полной реставраціи поэтому вообще не бываетъ. Но что же мы видимъ въ Россіи, пережившей десять разрушительныхъ лѣтъ? Вѣдь если мы возвращаемся въ свой домъ тотчасъ же послѣ того, какъ въ немъ побывали вору, то и тогда рѣдко удастся все возстановить и разставить попрежнему; можно поднять опрокинутый столъ, задвинуть ящикъ стола, открыть форточку для провѣтриванія . . . Но чаще бываетъ такъ, что не только опрокинуть стулъ, но и разбита ваза-уникумъ, какой не купишь въ посудномъ магазинѣ; унесены старинные часы, подарокъ дѣда, которыхъ ничѣмъ не замѣнишь . . . И это еще лучший исходъ. . . А теперь, а въ Россіи? Надо же видѣть дѣйствительность, какъ она есть!

Международные вору, собравшись со всѣхъ концовъ міра, какъ мухи облѣпили русскую рану. Квалифицированные специалисты по взлому, грабежу, расхищенію и порчѣ чужого имущества и сбыту краденаго — вотъ уже десять лѣтъ сидятъ въ Кремлѣ, поминутно, еще до всякаго ухода «хлопая дверьми». Они не только уничтожаютъ, продаютъ, расхищаютъ и портятъ національное русское имущество, но еще непрерывно отравляютъ души нашихъ дѣтей, захваченныхъ ими еще въ колыбеляхъ. Десять безумныхъ, «великихъ» по безмѣрности разрушенія лѣтъ!.. Вырубленъ садъ, сожженъ домъ, развезенъ по кирпичику фундаментъ, *умерли близкіе* . . . «Соколь въ роцѣ улетѣлъ, на кобылку недругъ сѣлъ» . . . О какомъ же внѣшнемъ, механическомъ возстановленіи можетъ быть рѣчь?! Исторію нельзя попросить вернуться на десять лѣтъ назадъ и начать вновь двигаться съ того мѣста, которое мы ей укажемъ.

Русскіе патріоты не могут и не должны обманывать себя сказкой. Передъ ними иная задача. — не механической реставраціи, а *возроженія*.

Быть можетъ кое кому еще и теперь кажется заманчивой сказка о спящей царевнѣ и роль королевича въ этой сказкѣ. Однако, заставить заснувшаго пѣтуха догнѣть свое «... ре-ку», продолживъ начатое сто лѣтъ тому назадъ «ку-ка...»,—вѣдь это только сказка. Не говоря уже о томъ, что врядъ ли найдется теперь хоть одинъ «королевичъ», который захотѣлъ бы разбудить *всѣхъ* придворныхъ въ остановившемся царствѣ, особенно тѣхъ, кто по умыслу, или по легкомыслію виновенъ въ томъ, что злая волшебница (революція) проникла въ замокъ и наколола своимъ (коммунистическимъ) веретенемъ прекрасную руку царевны.

Даже на кладбищѣ, этой обители смерти, непрерывно идетъ живая жизнь; даже тамъ, подъ землей, гдѣ для насъ только одна смерть, идутъ неуклонно процессы разложенія стараго, но и *созданія новаго*. А изнемогающая, но борящаяся, поверженная, но живая *Россія* — *не кладбище!*

Если бы даже завтра были свергнуты большевики, то все равно въ *старую*, дореволюціонную Россію, нельзя было бы понасть, сѣвъ на самый скорый поѣздъ. Чтобы «пріѣхать» въ старую Россію, надо было бы сѣсть на фантастическую «машину времени» Уэльса, повернувъ рычагъ назадъ. «Возвратиться» въ нее можно лишь на крыльяхъ воспоминаній (пусть даже благородныхъ!) . . .

Что же дѣлать? Примириться со всѣмъ настоящимъ? Не только трезво считаться съ нимъ (фактопріятіе), но и благословлять его (фактопоклонство)? Повторить исторію хама: распахать старое кладбище; истопить послѣдніе кресты съ могилъ павшихъ братьевъ; радоваться «завоеваніямъ» революціи; бормотать что то несвязное о «старомъ режимѣ» и «проклятомъ царизмѣ»; улодобляясь самодовольнымъ евразійскимъ пѣтухамъ, любовно копаться въ коммунистической кучѣ навоза, отыскивая въ ней мнимыя жемчужныя зерна; заколотить осиновый колъ въ свѣжія могилы казненныхъ большевиками безстрашныхъ героевъ, чтобы заслужить отъ палачей званіе «реального политика»?! . . .

Нѣтъ! Не такова наша задача!

Проблема познанія дѣйствительности намъ вовсе не чужда. Трезвость и изученіе фактовъ — нашъ долгъ. Но проблема познанія не устраняетъ гораздо болѣе важнаго и существеннаго: *оцѣнки событій и дѣйственныхъ выводовъ*. И здѣсь мы должны сказать, что отъ противника реставраціи не только не требуется прославленія революціи, но наоборотъ: чтобы изжить болѣзнь, надо страстно съ нею бороться. Да, конечно. — бороться *разумно*; но это уже вопросъ о выборѣ средствъ. И этого, повидимому, многіе не понимаютъ.

Докторъ, желающій вывести организмъ изъ болѣзненнаго состоянія, не можетъ быть только діагностомъ; онъ не можетъ быть и безстрастнымъ ея спутникомъ; онъ долженъ быть психологически ея страстнымъ врагомъ и борцомъ съ ней...

Кто думаетъ, что пожаръ всегда «служить къ украшенію Москвѣ», кто не испытываетъ горечи при видѣ зарева Россіи, кто или отъ усталости, или по слѣпотѣ, или для самоутѣненія принимаетъ «зареву» за «зарю». — тому какъ разъ психологически очень трудно впрямь въ своемъ существѣ въ строительство новой Россіи, въ дѣло ея возрожденія. Конечно, пепель отъ пожара очень часто служитъ хорошимъ удобреніемъ и нерѣдко на пожарницѣхъ гуще зеленѣетъ свѣжая поросль. Пусть такъ. И конечно нелѣпы и просто глупы раздающіеся иногда (и слѣва, и справа) разговоры о томъ, кого «пустятъ», а кого «не пустятъ» въ Россію послѣ ея освобожденія. Но несомнѣнно однако, что *поджигателямъ вообще очень трудно стать пожарными*, а тѣмъ болѣе строителями новаго дома: нужны другіе навыки, другія привычки и иной паюсъ. Не даромъ въ *новой* Россіи строительство ведется сейчасъ руками не присяжныхъ пиромановъ, а *старыхъ* спецовъ-строителей...

Намъ же, находящимся здѣсь, *встѣмъ*, пора казалось бы помять, что вмѣсто дней «полу-радости» намъ нуженъ общій день *покаянія* за все, содѣянное всѣми нами съ Россіей, нелукаваго покаянія за все наше прежнее безуміе. Это, и только это настроеніе есть и субъективное условіе, и объективная предпосылка для дѣйствительнаго служенія Родинѣ.

Н. Цуриковъ.

КОММУНИСТИЧЕСКІЙ ЗАГОВОРЪ ТЫСЯЧА ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

Вдохновителемъ и первымъ организаторомъ движенія былъ глазной врачъ Абдалла Ибнъ Маймунъ. Онъ родился въ началѣ IX вѣка по Р. Х. въ Ахвазѣ и происходилъ изъ интеллигентной персидской семьи. Формально Абдалла считался мусульманиномъ, а въ дѣйствительности по своимъ убѣжденіямъ примыкалъ къ матеріалистамъ и атеистамъ. Ихъ было довольно много въ тѣ времена не только среди арабской и персидской интеллигенціи, но и среди буржуазіи и знати.

Ахвазъ, теперешій Хузистанъ. — страна, находящаяся къ востоку отъ нижняго теченія Тигра, входилъ тогда въ составъ Арабскаго Халифата, однако старыя персидскія традиціи еще крѣпко держались среди его жителей и въ душѣ персы презирали завоевателей — арабовъ.

Кончался первый блестящій вѣкъ владычества арабской династіи Халифовъ-Аббасидовъ, наступали времена упадка. Одной изъ причинъ упадка было *разложеніе правящаго класса* государства, арабскаго военнаго дворянства, потомковъ людей, завоевавшихъ Сирію и Персію. Суровая, фанатичная вѣра, военный складъ ума измельчали, исчезли и перестали быть модными. Багдадъ — столица Арабской Имперіи, напоминалъ собой Парижъ XVII вѣка: люди философствовали, веселились, вольнодумствовали и суетвѣрничали. Такъ было на верхахъ; средніе же слои и низы жили, какъ ихъ отцы, въ сферѣ все захватывающаго религіознаго интереса, и раціонализмъ образованныхъ людей доходилъ до нихъ лишь въ формѣ фермента, не уничтожавшаго религіозную жизнь, а заставлявшаго ее только *бурно бродить*.

Большимъ мѣстомъ господства Аббасидовъ были династическіе споры: ихъ права на Халифатъ оспаривались потомками Али, зятя Магомета; а вокругъ этого запутался цѣлый клубокъ вопросовъ мусульманской догматики и мистики, а также и на-

ціональний вопросъ — персы противъ арабовъ. Конечно, большую роль играли, какъ всегда, и социальныя проблемы. Населеніе той части Халифата, которая раньше была независимымъ персидскимъ царствомъ, особенно бѣднѣйшее, не забыло еще тѣхъ уравнительно-коммунистическихъ мѣропріятій (въ томъ числѣ и общности женъ), которыя въ началѣ VI-го столѣтія осуществлялись проповѣдникомъ новой вѣры Маздакомъ съ одобренія царя Кавада изъ національной персидской династіи Сассанидовъ. Правда, эти эксперименты экономически и морально сильно разстроили Персидское государство и были не только прекращены, но и завершились *истребленіемъ* почти всѣхъ маздакистовъ; однако опытъ показываетъ, что мечты о «черномъ передѣлѣ» и «поравненіи имущества», разъ запавшія въ душу крестьянъ, городскихъ низовъ и беспочвенныхъ теоретиковъ, не такъ то легко вывѣтриваются.

Въ описываемое время *) власть Багдадскихъ халифовъ еще производила впечатлѣніе прочности, а страна уже была покрыта *сѣтью тайныхъ обществъ*, политическихъ и религіозныхъ. Онѣ появились еще до выступленія Абдаллы ибнъ Маймуна; но онъ съ бѣсовскою хитростью систематизировалъ пропаганду, обосновавъ ее на *правдоподобномъ и постепенномъ обманѣ*, и далъ ей прочную организацію. Арабскій историкъ XIV в. Макризи даетъ слѣдующую характеристику персидскаго революціонера: «Абдалла прекрасно зналъ все религіи и все секты. Онъ составилъ систему ученія, раздѣливъ ее на семь степеней знанія или посвященія. Прозелитъ долженъ былъ послѣдовательно проходить черезъ нихъ до тѣхъ поръ, пока сбросивъ иго всякой религіи, онъ не становился настоящимъ материалистомъ, не признающимъ ни существованія Бога, ни какихъ-либо законовъ нравственности».

Такъ какъ пропаганда обращалась къ людямъ разныхъ расъ, убѣжденій и религій, то инструкція предписывала агитаторамъ *особый подходъ* при обращеніи къ каждой группѣ населенія. Въ примѣненіи къ мусульманамъ способъ постепеннаго овладѣванія человѣческой душой былъ примѣрно слѣдующій.

*) См. литературу вопроса, особенно: S. de Sacy. Exposé de la religion des Druzes; M. J. de Goge. Carmathes du Bahrein; его же La fin des Carmathes; его же Carmathes et Fatimides; T. J. de Boer. Geschichte der Philosophie im Islam; E. G. Browne. Literary History of Persia; M. A. Nicholson. Literary History of the Arabs; а также Nöldeke. Encyclopédie de l'Islam; и др.

Тайный эмиссаръ движенія (дай), подходя къ намѣченному имъ лицу, вступалъ съ нимъ въ разговоръ на религіозныя темы. стараясь смутить совѣсть будущаго прозелита всякими каверзными вопросами. Одновременно дай намекалъ, что онъ обладаетъ знаніями, которыя даютъ ему возможность разрѣшить все сомнѣнія собесѣдника.

Такъ шли встрѣчи; потомъ, неожиданно, пропагандистъ замолкалъ и скрывался. Тогда тѣ, для кого все это было не пустымъ разговоромъ, а удовлетвореніемъ глубокой внутренней потребности просвѣщенія, сами отыскивали дая и просили, умоляли, требовали успокоенія. Имъ отвѣчали, что истина открывается не всею, а только избраннымъ и вѣрнымъ.

Какія нужны доказательства вѣрности? — Присяга и матеріальныя жертвы.

Если искатель истины соглашался, то онъ получалъ посвященіе и принимался въ общество.

Въ началѣ все сводилось къ тому, чтобы заставить адента *слѣпо вѣрить* только руководителямъ общества и никому другому; но основные догматы Ислама открыто не затрогивались: такимъ образомъ пребываніе на низшихъ степеняхъ тайнаго общества едва-ли болѣе смущало мусульманина IX вѣка, чѣмъ участіе въ тайныхъ «орденахъ» и въ масонскихъ ложахъ соблазняло православнаго русскаго въ XVIII и XIX вѣкѣ. Можно думать, что три первыя степени системы Абдаллы по своей видимой безобидности приблизительно и соответствовали тремъ общеизвѣстнымъ степенямъ, — ученика, подмастерья и мастера — въ современномъ масонствѣ. Далѣе совершался переломъ.

Четвертая степень уже являла собой начало явнаго отступничества отъ правовѣрнаго мусульманства, такъ какъ въ ней прозелиту открывали, что Магометъ — не послѣдній и не *высшій* пророкъ.

Ученіе *пятой степени* шло еще дальше. Посвященному въ нее внушалось презрѣніе къ общепризнаннымъ толкованіямъ догматовъ и обрядовъ и указывалось на необходимость *исканія вездѣ скрытаго смысла*. Самихъ обрядовъ пока не трогали, но намекали, что правила жизни, установленныя Магометомъ, могутъ быть современемъ отмѣнены. Здѣсь дѣлали остановку.

Если считать, что первыя 3 степени представляли собой группу низшаго, а 4-ая и 5-ая степени — группу средняго вѣ-

дѣнія, то теперь начиналась область высшаго знанія. Допускъ къ нее производился съ большимъ выборомъ.

Шестая степень. Въ ней уже безъ обиняковъ указывалось на испужность молитвы, постовъ, поломничества, вообще всякихъ догматовъ и обрядовъ, основатели всѣхъ религій объявлялись обманщиками, а «мудрецы» — единственными обладателями истины. Членамъ общества внушалось теперь полагаться лишь на *силу разума* и относиться съ недоувѣрjemъ ко всѣмъ реллигiознымъ преданiямъ.

Въ общемъ можно сказать, что аденты шестой степени по своему мiросозерцанiю должны были напоминать собой нашихъ атеистовъ и деистовъ XVIII-го вѣка или позитивистовъ XIX-го. Дальше почти никого не пускали. Изъ исторiи общества видно, что даже не всѣ даи имѣли посвященiе выше 6-ой степени и *многие изъ нихъ думали, что здѣсь конецъ ученiя.*

Они ошибались: не вольнодумство было послѣднимъ словомъ тайной мудрости заговорщиковъ. Дѣйствительно, въ *седьмой степени* отъ рационализма поворачивали назадъ къ *мистикѣ*, но проповѣдывался уже не Единый Богъ, а *дуализмъ*. Этотъ принципъ развивался затѣмъ подробно въ *восьмой* и *девятой степеняхъ*, о существованiи которыхъ мы дополнительно узнаемъ отъ Макризи и его предшественника Новаири. Сообщенiя обоихъ арабскихъ историковъ объ этомъ не совпадаютъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, но все таки ясно, что дуализмъ верхами общества воспринимался въ формахъ очень близкихъ къ ученiю Манихеевъ, т. е. въ сущности утверждалась извѣчность и *принципiальное равенство добра и зла*, Бога и Дьявола. Отъ такого дуализма не трудно перейти къ *чистому сатанизму* и впоследствии этотъ шагъ часто дѣлался.

Съ точки зрѣнiя реллигiозной психологiи переходъ отъ невѣрiя 6-ой степени къ спутанной, а иногда и прямо *черной вѣрѣ* трехъ высшихъ степеней—является чрезвычайно интереснымъ и знаменательнымъ фактомъ. Онъ указываетъ на ту связь, которая существуетъ въ человѣческой психикѣ между атеизмомъ и какимъ-то страннымъ мистицизмомъ. У одного изъ современныхъ нѣмецко-еврейскихъ вольнодумцевъ, недавно умершаго Ф. Маутнера, мы находимъ въ предисловiи къ его книгѣ «Атеизмъ и его исторiя на Западѣ» поразительныя слова: «то, что я, созидая, стараюсь предложить между строкъ моей разрушительной книги, т. е. мое кредо, это — нѣкая *безбожная ми-*

стика, которая. можетъ быть. вознаградить за длинноту сомнѣній».

Съ большой силой и глубже, чѣмъ кто либо, проникаеть въ эту область Достоевскій, вскрывая бѣсовскій характеръ такого мистицизма. То, что онъ писалъ, не только пророчески объясняетъ намъ настоящее, но и служить ключомъ къ пониманію многого въ далекомъ прошломъ. Въ свѣтѣ идей Достоевскаго точно живая встаетъ передъ нами мрачная фигура персидскаго заговорщика. Петръ Верховенскій — мелкій бѣсъ передъ нимъ. Дерзанію Абдаллы нѣтъ предѣловъ, запретнаго для него не существуетъ; для достиженія поставленной цѣли, для овладѣнія властью, для *господства надъ тѣлами и душами людей* приводится въ движеніе и человѣческое благородство, и человѣческая подлость. Нужно использовать вѣрность и преданность — и создается идея *грандіознаго самозванства*: перстъ объявляетъ себя арабомъ, потомкомъ Фатимы, дочери Магомета, жены его сподвижника Али. Не всѣмъ и не сразу объ этомъ говорятъ: *таинственность* должна сдѣлать успѣхъ болѣе вѣрнымъ, поэтому открытое выступленіе оттягивается. и Абдалла, не успѣвъ самъ использовать своего плана, умираетъ въ неизвѣстности, но таинственный Обайдалла, царствовавшій потомъ въ Африкѣ, былъ, вѣроятно, его внукомъ.

Для начала и развитія дѣятельности Абдаллѣ нужны были ольшія средства и ихъ ему дала человѣческая низость, величайшій изъ пороковъ — *зависть*. Была объявлена коммунистическая программа, началось большевицкое движеніе и въ распоряженіе соціальнаго реформатора стали поступать, большія средства отъ доброхотныхъ, а чаще отъ недоброхотныхъ дателей.

Вотъ что рассказываетъ арабскій писатель, шерифъ Акху Мохсинъ, о коммунистическомъ законодательствѣ одного изъ главарей Хамданъ Кармата. Въ каждомъ поселеніи, гдѣ утверждалась власть секты по его приказанію, все имущество сносилось въ одно мѣсто и устанавливалось общее пользованіе. Дай выбиралъ человѣка, заслуживающаго, по его мнѣнію, довѣрія и послѣдній принималъ въ свое завѣдываніе всю частную собственность жителей: скоть, драгоцѣнности, домашнюю утварь и т. д. На обязанности эконома лежало снабженіе нуждающихся всѣмъ потребнымъ, палпримѣръ, одеждой, изъ этого запаса. Послѣ того, какъ такое устройство жизни прочно уста-

навливалось, Хамданъ Карматъ давалъ даямъ предписаніе въ опредѣленную ночь собрать всѣхъ женщинъ даннаго мѣстечка въ одно зданіе, гдѣ онѣ тоже предоставлялись въ общее пользованіе всѣхъ мужчинъ. По мнѣнію учителя, это было послѣдней, высшей степенью дружбы и братскаго единенія.

Несмотря на такія крайности, дѣло велось очень тонко. Самъ Абдалла держался въ тѣни и спокойно жилъ у себя на родинѣ, въ Хузистанѣ, тайно руководя оттуда своими послѣдователями. Его роль долгое время не была ясна, но подъ конецъ всетаки обнаружилась и правительство Халифа приказало арестовать вдохновителя смуты. Онъ спасся бѣгствомъ, сначала въ Басру, а потомъ въ сѣверную Сирію, въ городъ Саламію, куда давно уже переѣхалъ его сынъ Ахметъ. Это было около 875 года. Дальнѣйшая судьба революціоннаго вождя окутана туманомъ: какъ и когда онъ умеръ—точно неизвѣстно, но въ 897 году во главѣ движенія стоялъ уже не Абдалла, а Ахметъ.

Послѣ смерти инициатора жизнь его широко задуманнаго предпріятія пошла по тремъ путямъ. Въ Сиріи заговорщики выступили открыто, но успѣха не имѣли. Ахметъ былъ убитъ подъ Дамаскомъ; погибли и другіе вожди, и около 900 года движеніе было тамъ окончательно задавлено.

Иная судьба ждала Африканскую вѣтвь общества. Преемникъ Ахмета, Обайдалла, о которомъ уже упоминалось, спасся послѣ Сирійскаго разгрома и добрался до теперешняго Марокко. Тамъ онъ нашелъ преданныхъ послѣдователей и съ ихъ помощью въ 909 г. занялъ положеніе независимаго монарха. Это былъ первый Халифъ изъ династіи Фатимидовъ. Ей постепенно подчинилось большинство африканскихъ мусульманъ: въ Багдадѣ же усидѣли Аббасиды.

Третій жребій выпалъ на долю революціонеровъ на югѣ. Въ самомъ началѣ X в., выбитые изъ Месопотаміи и Персіи, они подъ начальствомъ главнаго дая Персіи, бывшаго торговца мукой, Абу-Саида, захватили Бахрайнь, полуостровъ на восточномъ берегу Аравіи. Здѣсь члены Общества образовали государство большевицкаго типа. Ихъ стали называть карматами, по имени одного изъ старыхъ вождей Хамданъ Кармата, хотя послѣдній самъ въ Бахрайнь не попалъ. Большой силы эта разбойничья община не представляла; едва-ли она когда либо могла выставить въ поле самостоятельно, безъ помощи бедуиновъ, болѣе 2.000 всадниковъ, а между тѣмъ сосѣдъ карматовъ

Багдадскій халифатъ, государство съ милліонами жителей, съ возможностью мобилизовать сотни тысячъ человекъ, не только не былъ въ состояніи уничтожить бахрайнскую шайку, но неоднократно ставился ею въ очень тяжелое, почти отчаянное положеніе. Загадка эта для насъ, русскихъ, наблюдающихъ взаимоотношенія Европы и Московскихъ коммунистовъ, затрудненій не представляетъ. Сила большевиковъ всѣхъ время и народовъ заключается не въ нихъ самихъ, а лишь въ безволиі или недомыслии ихъ противниковъ и въ поддержкѣ со стороны. Такъ и теперь, въ XX вѣкѣ, третій интернаціональ править Россіей между прочимъ и по милости европейской буржуазіи, ибо большая ея часть, хотя и боится большевиковъ, но страдаетъ безволіемъ, а радикальное меньшинство ея чувствуетъ съ большевиками неизъяснимое средство душъ.

Нѣчто подобное происходило и въ Западной Азіи въ X вѣкѣ. Весь Багдадскій халифатъ былъ наполненъ *тайными друзьями карматовъ*. Въ городѣ Басрѣ въ это время существовалъ кружокъ философовъ и ученыхъ, извѣстный подъ именемъ: «Братьевъ Чистоты». По своей литературной дѣятельности и по другимъ признакамъ братья напоминали французскихъ энциклопедистовъ XVIII столѣтія. Они имѣли отдѣлы своего общества во многихъ городахъ и возглавляли радикальную буржуазію страны. И такъ какъ сохранились документы, удостоверяющіе связь, по крайней мѣрѣ, идейную, между «Братями Чистоты» и карматами, то можно думать, что передовая интеллигенція страны скорѣе мѣшала, чѣмъ помогала своему правительству въ его борьбѣ съ послѣдователями Абдаллы. Вышнюю поддержку заговорщикамъ оказывали Халифы-Фатимиды. Положеніе ихъ было двойственное: съ одной стороны каждый Халифъ-Фатимидъ былъ главою богобоязненнаго и буржуазнаго государства, съ другой — Гросмейстеромъ атеистическаго и коммунистическаго тайнаго ордена, куда входили и карматы. Второе званіе приходилось держать въ секретѣ отъ своихъ подданныхъ, но отказаться отъ него тоже было невыгодно. Карматы слушались Фатимидовъ, а тѣ тайно поддерживали карматовъ; однако отношенія были слишкомъ сложными для того чтобы можно было избѣжать конфликта. Дѣйствительно въ 917 г. бахрайнскіе большевики обратили оружіе противъ своихъ высокихъ покровителей. Связь порвалась. Къ этому времени измѣнилось и рационалистическое настроеніе

арабской и персидской интеллигенціи. Сильное преклоненіе передъ разсудкомъ пропало у многихъ, вѣроятно, подѣ влияніемъ жизненныхъ уроковъ (это мы видимъ и на себѣ). Два раза, въ 920 г. и въ 924 г., городъ Басра, одно время центръ интеллектуальной жизни страны, подвергался жестокому разгрому со стороны карматовъ. Когда они грабили, то едва-ли разбирали, чью собственность социализировали, — обскуранта или своего идейнаго единомышленника. — радикальнаго интеллигента.

Буржуазная сознательность является не сразу, тому примѣръ современная Еврона; но подѣ конецъ она все-таки возникаетъ. Возникла она и въ халифатѣ. Одновременно происходилъ въ немъ еще одинъ процессъ, неблагопріятный для послѣдователей Абдаллы: расхлябанное арабское дворянство стало вытѣсняться новымъ военнымъ дворянствомъ: грубыми и примитивными, но твердыми офицерами турецкой наемной гвардіи.

Такъ усиливались противники большевицкаго государства; а въ немъ самомъ шелъ неизбежный развалъ. Талантливые вожди вымерли. Ихъ единоначаліе замѣнилось коллективной властью; партійная дисциплина пала, разбойничья солидарность смѣнилась раздорами, коммунистическіе лозунги потеряли свою притягательную силу, а таинственный вождь оказался просто сосѣднимъ монархомъ, халифомъ въ Каирѣ. Къ этому присоединилось еще и то, что экономическая база социалистической общины, а именно эксплуатація примыкающихъ буржуазныхъ государствъ, перешла въ руки конкурентовъ-бедуиновъ: послѣдніе отняли у обезсиленныхъ бахрайскихъ большевиковъ право взиманія дани. Карматское государство возникло приблизительно въ 900 г., а уже около 980 г. его значеніе было ничтожно, но оно продолжало влачить свое существованіе еще въ теченіе 100 лѣтъ. Въ концѣ XI в. карматы были уничтожены окончательно.

Такъ безславно кончился и этотъ коммунистическій опытъ. Онъ не былъ первымъ въ исторіи человѣчества, а современный намъ московскій не будетъ послѣднимъ. Всѣ они обречены на неудачу, такъ какъ основываются на злобѣ, зависти, ненависти, вообще на злѣ; а зло не созидательно.

Масштабъ безсовѣстнаго русскаго эксперимента неизмѣримо больше арабскаго, но если сравнить замыслы обоихъ идеологовъ, Ленина и Абдаллы, то по широтѣ задачи второй превосходитъ перваго.

Цѣль Ленина (по крайней мѣрѣ видимая) — ввести вездѣ коммунизмъ, а уничтоженіе религіи и морали есть лишь средство для этого: намѣреніе же Абдаллы обратное: онъ хотѣлъ *вытравить вѣру и совесть* изъ людскихъ душъ, коммунизмъ же долженъ былъ только облегчать достиженіе главной цѣли.

Абдалла опаснѣе Ленина. Марксистъ изъ Симбирска — человѣкъ определенной эпохи, совратитель худшихъ людей: а персъ своимъ тонкимъ методомъ обволакиванія души, постепеннаго отвода какъ разъ лучшихъ людей отъ добра къ злу, создалъ *школу соблазна универсальнаго значенія*. Имя зловѣщаго врача почти забылось, но ядовитое дыханіе его метода чувствовалось въ теченіе многихъ вѣковъ и у многихъ народовъ. Оно чувствуется и сейчасъ.

Странникъ.

УРОКИ РЕВОЛЮЦІИ.

Урочъ нежданый и кровавый . . .

Пушкинъ.

Ошибка не бѣда, если она чему нибудь научаетъ; и бѣда не катастрофа, если она таитъ въ себѣ исцѣляющіе уроки.

Революція застала русскихъ людей въ состояніи политической неопытности, непониманія, безъ идеи и безъ воли. Отсюда — всеобщая растерянность и беспомощность; отсюда же та видимость чуть ли не всеобщей національной «безхарактерности» и почти «предательства», которая навсегда останется загадкою для иностранцевъ. Русскіе люди *не разумѣли* происходящаго и *не умѣли* бороться. А революціонеры явились къ нимъ съ той *организаціонной изошренностью*, которая вынашивалась на западѣ вѣками: ибо большевики сочетали организаціонную технику езуитизма и инквизиціи съ политическою техникою макіавеллизма, тайныхъ орденовъ, полицейскаго сыска и западно-европейскаго революціоннаго пролетаріата.

Этой *соціально-организаціонной изошренности мы не могли противопоставить ничего равно-сильнаго и въ тоже время духовно-достойнаго*. Въ этомъ одна изъ самыхъ основныхъ *причинъ* «успѣха» революціи.

Оставаться въ этомъ состояніи наивнаго неумѣнія мы впредь не можемъ и не смѣемъ. Мы должны привыкнуть *учиться у событій и строиться на ходу* — одни въ кипящемъ котлѣ большевицкаго ига, другіе въ изгнаніи и нищетѣ. Намъ необходимы *реальные выводы и волевые рѣшенія*. Иначе мы не спасемъ Россію и не возстановимъ ее.

Вотъ нѣкоторые, основные выводы и уроки.

1. Политика не есть что то такое, что дѣлается къмъ то «другимъ» — для насъ и за насъ, безъ нашего участія и безъ нашей отвѣтственности. Рады мы или не рады,—но времена, когда люди *такъ* жили и *такъ* думали, прошли безвозвратно.

Это совѣтъ не значить, что каждый изъ насъ призванъ постоянно во все вмѣшиваться, кипѣть въ песьтомъ честолюбіи, все бранить и самовольно командовать. Но это значить, что каждый изъ насъ призванъ *имѣть свое собственное убѣжденіе въ вопросахъ политическаго добра и зла*; и что каждый изъ насъ обязанъ *вкладывать свою волю въ ходъ государственныхъ событій*: то убѣжденнымъ словомъ. то обдуманномъ молчаніемъ (это иногда труднѣе!); то невозражающимъ повиновеніемъ, то открытымъ, прямымъ неодобреніемъ: то храбрымъ поступкомъ, то организующей инициативой; то грознымъ обличеніемъ, то участіемъ въ тайномъ, патріотическомъ союзѣ.

Мы обязаны разъ навсегда *повернуться волею къ русскимъ событіямъ* и даже въ вынужденномъ бездѣйствіи *всегда копить волевой зарядъ*.

Если бы враги Россіи заранѣе знали, что мы *такъ* живемъ. тогда они навѣрное и не начали бы вовсе революцію: а если бы они ее все-таки начали. то ихъ попытка была бы быстро и радикально прикончена.

2. Задача этого постоянного волевого напряженія не въ томъ, чтобы «добиваться политическаго успѣха для себя» (какъ дѣлаютъ правые и лѣвые карьеристы), и не въ томъ, чтобы «отстаивать свой классовый интересъ» (какъ учатъ демократы разныхъ толковъ); но въ томъ, чтобы *строить и заряжать центръ національно-патріотической власти*.

Этотъ центръ, оторвавшись отъ нашихъ, заряжающихъ и поддерживающихъ его, волю — становится мнимымъ, безсильнымъ и обреченнымъ. Наоборотъ, вбирая въ себя отовсюду наши волевые лучи, онъ какъ бы накаляется отъ нихъ. и именно благодаря этому становится лученспускающимъ политическимъ центромъ страны. Правителю *необходима* воля подчиненныхъ: онъ долженъ чувствовать ее, знать о ней, довѣрять ей, опираться на нее и располагать ею. Тогда только онъ можетъ реально повелѣвать, организовывать и заставлять.

Подданный, не посылающій своего волевого луча правителю — невѣренъ ему, измѣняетъ ему; все равно — изъ лѣни, изъ продажности или по интригѣ. Современный демократически-парламентарный строй съ его партійностью — систематически пріучаетъ гражданъ отзывать свои волевые лучи отъ неправящагося правителя и интриговать противъ него.

Подданный, впускающій правителю ложную иллюзію, будто «весь народъ» или опредѣленныя сильныя организаціи поддерживаютъ его — готовить правителю гибель и предасть его; все равно — изъ легкомыслія, изъ лести или ради субсидій. Именно такъ временщики и льстецы не разъ губили своихъ государей.

Понятно, что первая задача революціонеровъ всегда состоитъ въ томъ, чтобы подорвать довѣріе къ власти: этимъ останавливается посылка волевыхъ лучей; этимъ *прерывается въ человѣческомъ безсознательномъ живое дѣйствіе государственной присяги*. Власть изолируется и дни ея оказываются сочтенными.

Если бы русское Императорское Правительство или революціонное «временное правительство» — пребывали въ фокусѣ этихъ волевыхъ лучей, то паденіе ихъ было бы исключено. И понятно, что члены «временнаго правительства», всю жизнь проработавшіе надъ организаціей волевой измѣны Царю, не могли и не умѣли создать новый лучевой фокусъ въ странѣ...

3. Волевая поддержка національнаго правительства есть, такимъ образомъ, священная обязанность гражданъ. Эта поддержка требуетъ прежде всего — *организаціи общественнаго мнѣнія* и направленія его въ духѣ *вѣрности, прямоты и энергіи*.

Честолюбцы, желающіе захватить власть, стремятся всегда отравить общественное мнѣніе *недовѣріемъ къ правительству и противопоставить власть народу*. При этомъ они стараются сдѣлать это въ формахъ политически- и уголовно-ненаказуемыхъ: пасмѣшкой, каррикатурой, салонной сплетней, злобною критикой въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ, скрытой клеветой. Они приписываютъ правительству — то эгоистическія, классовыя и противогосударственныя намѣренія; то — безнравственныя и свирѣпыя распоряженія; то глупость, бездарность, продажность и даже измѣну. Обычно это сопровождается цѣлой фалангой обидныхъ кличекъ и намековъ, а иногда и «разоблаченій», выдержанныхъ въ «благородномъ» тонѣ.

Бороться со всѣмъ этимъ можно только при двухъ условіяхъ: при наличности *честной, патріотической печати, абсолютно независимой отъ какихъ бы то ни было правительственныхъ субсидій*; и при наличности *кадра честныхъ, незапятнанныхъ и авторитетныхъ политиковъ, ученыхъ и военныхъ*.

крѣпко доверяющихъ другъ другу, поддерживающихъ власть и способныхъ къ энергичнымъ, рѣшительнымъ выступленіямъ.

Внѣ этихъ условій всякая страна захлебнется въ грязи сплетень, продажности, неизбывныхъ интригъ и всеобщаго взаимнаго недовѣрія; и, рано или поздно, окажется во власти тайныхъ революціонныхъ организацій.

Если бы такая лояльная, непродажная и ненаемная печать и такой политическій кадръ поддерживали русское Императорское Правительство за послѣдніе двадцать лѣтъ передъ европейскою войною, то нынѣшняя революція совсѣмъ не имѣла бы мѣста.

4. Государство держится только *единеніемъ* между властью и народомъ. Кто противопоставляетъ власть — народу, тотъ готовитъ революцію и гражданскую войну. Именно это то и дѣлали всѣ революціонныя и демократическія партіи въ Россіи.

Вся работа ихъ возбуждала, разъединяла и натравливала: классъ на классъ, невоенныхъ на армію, печниковиковъ на чиновниковъ, обывателя на полицію и весь народъ на правительство. Онѣ учили народъ недоваѣрять никому, кто *имъ* не избранъ и *ему* не угождаетъ; онѣ видѣли все спасеніе въ *выборахъ*, а выборами онѣ углубляли и закрѣпляли классовое и партійное разъединеніе въ странѣ. И все время заранѣе готовили *вторую, новую, революціонную власть* (то «союзъ союзовъ», то «совѣтъ рабочихъ депутатовъ», то «земсоюзъ» и «земгорь») . . .

Этимъ они давно уже начали и повели гражданскую войну на погибель Россіи.

Въ дѣйствительности же власть и народъ должны быть *живымъ единствомъ*. Только въ этомъ спасеніе. Но этого не обезпечиваетъ никакая политическая форма *сама по себѣ*: ни «демократическая», ни «деспотическая»; ни республика, ни самодержавіе. Развѣ народъ не обожалъ Цезаря Августа и Наполеона, и не свергалъ, и не убивалъ византійскихъ царей? И сколько республиканскихъ режимовъ въ исторіи разложилось и погубило отъ народныхъ волненій и непрерывнаго штурма власти?

Въ дѣйствительности прочность и сила государства зависятъ отъ трехъ условій: отъ *воли* и *прозорливости правителя*: отъ *религіозной укорененности* народнаго характера и правосознанія; и отъ *государственнаго смысла* и *энергіи національнаго*

интеллигентнаго кадра. При наличности этихъ условій -- самая зыбкая и юшасная политическая форма (федеративная демократическая республика) не легко и не скоро разложитъ страну; при отсутствіи ихъ—самая достойная и художественная форма (монархія чести) быстро разложится и рухнетъ.

Если бы эти три условія были налицо въ Россіи до революціи, то мы не дожили бы до позорнаго ига коммунистовъ.

5. Политическая жизнь есть не только дѣятельность власти для народа, но и *самодѣятельность народа навстрѣчу власти.*

Государственная жизнь совсѣмъ не сводится къ тому, что власть полицейски опекаетъ толпу политическихъ рабовъ или политическихъ лѣнтыевъ (воззрѣніе крайнихъ правыхъ); но она не состоитъ и въ томъ, что массы, возбужденныя жадностью и честолюбіемъ, то и дѣло «избираютъ себѣ» якобы «большинствомъ голосовъ» угодливыхъ приказчиковъ, именуемыхъ «министрами» и «президентами» (практика лѣвыхъ партій).

Въ каждомъ народѣ къ здоровой политической самодѣятельности способно и предрасположено не большинство, а *меньшинство.* Задача власти въ томъ, чтобы находить это меньшинство, увеличивать его численно и вовлекать его въ государственное строительство. Выдѣленіе этого кадра должно идти и сверху (назначеніемъ), и снизу (выборами). Задача этого кадра въ томъ, чтобы организовывать *самодѣятельность* народа навстрѣчу власти и организовывать *служеніе* власти навстрѣчу народу. И еще въ томъ, чтобы воспитывать въ *народъ* духъ *національнаго консерватизма* и сообщать *власти* духъ *державнаго реформаторства.*

Въ Россіи такой кадръ только еще начиналъ слагаться. А широкіе круги интеллигенціи дѣлали какъ разъ обратное: одни раскачивали въ *массѣ* стихію безсмысленнаго и разрушительнаго *дерзанія*; другіе стремились закрѣпить инертный консерватизмъ *власти* и доводили его до *безвольной косности* и *безидейнаго упрямства.*

Вотъ почему русская масса обнаружила въ революціи—пассивность въ добрѣ и активность во злѣ. И вотъ почему предреволюціонная власть была сильна въ обузданіи, а въ творествѣ — нерѣшительна и лишена великихъ замысловъ (П. А. Столыпинъ былъ исключеніемъ).

6. Эпоха смуты и междоусарствія является всегда суровымъ испытаніемъ въ народной жизни. Здѣсь долженъ заговорить

инстинктъ національнаго самосохраненія; онъ долженъ повести народъ къ *самоорганизации* и къ *борьбѣ на жизнь и на смерть* за возсозданіе единой національной власти. Въ такія эпохи народу необходимъ *пчелиный* инстинктъ самопожертвованія и *муравьиный* инстинктъ совокупнаго дѣйствія. А вождямъ его — *воля, идея и гениальная шпага*.

Изъ двухъ борющихся людей — ближе къ побѣдѣ тотъ, кто борется *безъ оговорокъ и на смерть*, а не тотъ, кто «борется» съ оговорками и съ осторожностью (все это, — конечно, при прочих равныхъ условіяхъ). Одинъ вкладываетъ въ борьбу *все*; другой опасается вложить въ борьбу слишкомъ много. Одинъ твердо предпочелъ смерть — пораженію; другой готовъ въ любой моментъ предпочесть пораженіе — смерти. Всѣмъ этимъ исходъ борьбы бываетъ уже предрѣшенъ.

Это освѣщаетъ весь ходъ русской революціи.

Императорское Правительство не рѣшилось бороться съ революціей на смерть; и потому пало. Временное правительство было прямымъ воплощеніемъ всякихъ оговорокъ и осторожностей; и потому было сметено. Большевики побѣждали потому, что по разбойничьи лѣзли на смерть, искусно уговаривая противника не бороться на смерть. Смертная борьба бѣлыхъ армій давала имъ побѣду за побѣдой. Бѣлые *не побѣдили* потому, что ни русскія пародныя массы, ни русская интеллигенція — *не созрѣла еще для смертной борьбы съ большевиками*. И нынѣ близится день, когда *изжившіе свой зарядъ большевики не будутъ въ состояніи бороться на смерть*, а смертная ненависть къ нимъ поведетъ русскаго крестьянина и русскаго блага патріота къ *борьбѣ безоговорочной и безпощадной*.

Мы должны блюсти въ себѣ эту священную готовность. .

Старый Политикъ.

I. СИЛЫ МІРОВОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

I. Европейскій пролетаріатъ.

Длительность русской революціи объясняется не только особыми *условіями русской исторіи и русской жизни* (размѣры страны; разбросанность населенія; культурная, организационная и собственническая отсталость простого народа; волевая растерянность власти и интеллигенціи и др.); и не только *особыми свойствами коммунистовъ* (отборъ хищныхъ, цѣпкихъ и жестокихъ людей, лишенныхъ совѣсти, чести и патриотизма), — но еще и тѣмъ, что въ другихъ странахъ имѣются *интернаціонально-сплоченныя силы міровой революціи* и не имѣется ни организованнаго въ міровомъ масштабѣ *кадра для борьбы* за религію, родину, собственность и культуру, ни сильной и вдохновенной *волевой идеи*. Поэтому русскому патриоту надлежитъ дать себѣ ясный отчетъ въ силахъ міровой революціи, признать необходимость и возможность борьбы съ ними и неутомимо ковать *свою идею и свои силы*. Намъ надо помнить, что русская революція есть *міровая проблема* и что борьба за нее уже ведется въ міровомъ масштабѣ. Чего же мы стѣдимъ — безъ волевой идеи и безъ организованнаго кадра?

Вотъ краткія свѣдѣнія о силахъ міровой революціи.

Силы міровой революціи состоятъ изъ *соціалистовъ, коммунистовъ и анархистовъ* — всѣхъ оттѣнковъ и толковъ, независимо отъ того, что одни теченія (коммунисты и анархисты) стремятся осуществить революцію въ кратчайшій срокъ въ видѣ кроваваго переворота, а другія теченія (соціалистическія) хотѣли бы растянуть революцію на болѣе долгое время и осуществить ее въ видѣ нѣсколькихъ не «слишкомъ» кровавыхъ полу-переворотовъ. Всѣ вмѣстѣ они образуютъ *единое движеніе*, направленное противъ религіи, родины и собственности, а потому и противъ культуры. Авангардъ же этого движенія образуютъ атеисты, анти-націоналисты и политическіе революціонеры всѣхъ странъ, взрыхляющіе почву для соціалистовъ такъ, какъ сами соціалисты готовятъ кадры для торжества коммунизма.

Какими же числами измѣряются силы міровой революціи? Велики ли эти силы? Возможна ли съ ними борьба? Приведемъ близкія къ истинѣ, приблизительныя статистическія данныя.

Все население земного шара опредѣляется за 1923—24 годъ приблизительно въ 1 миллиардъ 820 миллионѣвъ людей. Изъ нихъ около 780 миллионѣвъ (въ среднемъ 43%) придется на *взрослыхъ* людей (старше 20 лѣтъ). Въ то же самое время (т. е. на 1 января 1923 года) всѣ революціонные рабочіе союзы міра, всѣхъ трехъ партій, насчитывали въ своемъ составѣ около 25 миллионѣвъ людей. Это составляло *не болѣе, чѣмъ 3,2% всего взрослога населенія земли*. При этомъ надо имѣть въ виду, что наряду съ революціонными рабочими союзами, существуютъ и *не-революціонные*, численностью около 16 миллионѣвъ (на весь міръ) и что эти 41 миллионъ (25 + 16) составляютъ лишь совсѣмъ малую часть всего мірового пролетаріата. Это означаетъ, что «пролетарій» и «соціалистъ», «пролетарій» и «революціонеръ», — *далеко не одно и то же*.

Главнымъ очагомъ соціализма и организованной революціонности является *Европа*. Въ ней живетъ около одной четверти всего человѣчества; и эта четверть человѣчества (25%) даетъ міру свыше 65% всѣхъ имѣющихся организованныхъ силъ рабочей революціи; тогда какъ на остальные три четверти земного населенія приходится всего около одной трети революціоннаго кадра. Это объясняется скученностью европейскаго населенія (плотность его почти въ 9 разъ больше, чѣмъ въ Америкѣ и Африкѣ), развитіемъ капиталистической промышленности въ Европѣ и распространеніемъ полуобразованности въ массахъ: ни одна изъ этихъ причинъ сама по себѣ не была бы достаточна для объясненія этого явленія.

Согласно послѣднимъ исчисленіямъ *) 25 европейскихъ государствъ (кончая лимитрофами), при населеніи въ 476 миллионѣвъ, имѣютъ въ своемъ составѣ около 208 миллионѣвъ людей (44%) «хозяйственно самостоятельныхъ», т. е. съ самостоятельнымъ источникомъ существованія. Изъ этихъ 208 миллионѣвъ хозяйственно взрослыхъ людей 92 миллионъ (тоже около 44%) зарабатываютъ свое пропитаніе продажей своего труда, «нанимаясь» и получая заработную плату или жалованье. Это и есть европейскій пролетаріатъ, *изъ состава коего вербуется основная сила міровой революціи*.

Изъ всей массы европейскаго пролетаріата (92 миллионъ) организовано въ рабочіе и профессиональные союзы не болѣе 34 миллионѣвъ (36%). По наиболѣе правдоподобному подсчету это организованное ядро распалось къ 1 янв. 1923 г. на слѣдующія теченія: 18½ миллионѣвъ принадлежало къ такъ

*) См. Вл. Войтинскій. «Весь міръ въ цифрахъ». Книга I. Земля. Населеніе. Народное богатство. Кн. II. Трудъ. Подъ ред. проф. Берлинскаго Университета В. И. Борткевича. На нѣм. языкѣ «Die Welt in Zahlen»; вышло пять книгъ: кн. III. Сельское хозяйство. Кн. IV. Промышленность. Кн. V. Транспортъ и торговля. Подготавливаются еще двѣ: кн. VI. Государство. Кн. VII. Данныя моральной и политической статистики.

называемому «Амстердамскому Интернационалу» (социалисты-меньшевики); 5¹/₃ миллионъ принадлежало къ «Третьему Интернационалу» (коммунисты, «Профинтернъ»); около 825 тысячъ числилось въ анархистахъ; и около 10 миллионъ не преслѣдовало революціонныхъ цѣлей. Это даетъ *на Европу революціонно-рабочіи кадры въ 24¹/₃ миллиона*: т. е. почти 12% европейскаго хозяйственно-взрослага населенія; почти 26% европейскаго пролетаріата.

Наиболѣе пролетаризованными европейскими странами являются: Великобританія (77% хозяйственно-взрослага населенія); Бельгія (73%); Данія (71%); Швейцарія (66%); Швеція (64%); Австрія (63%); Нидерланды (62%); Германія (61%); Чехословакія (59%); Финляндія (58%); Венгрія (55%); Норвегія (50%); Франція (48%); Португалія (46%); Італія (45%); Югославія (40%). Наименѣе пролетаризованными странами въ Европѣ являются Болгарія, Литва, Латвія, Эстонія (23%); и Греція (22%). Въ Россіи въ 1921 году на каждыя 100 человекъ хозяйственно-взрослыхъ приходилось около 13 человекъ пролетаріевъ. Этотъ процентъ за послѣдніе годы непрерывно и бурно растетъ, ибо *коммунистическая революція пролетаризуетъ широкіе слои бѣднѣйшаго крестьянства*.

Далеко не весь пролетаріатъ въ Европѣ организованъ. Однако важно отмѣтить, что за время войны и послѣвоенныхъ броженій (1913—1920 гг.) количество организованныхъ рабочихъ въ Европѣ болѣе, чѣмъ утроилось; это относится особенно къ Германіи, Великобританіи, Россіи, Італіи и Франціи. Наиболѣе организованы европейскій пролетаріатъ въ Германіи (58% общаго количества пролетаріевъ) и въ Австріи (56%)—т. е. *болѣе половины*. Затѣмъ идетъ Італія (42%); Чехія (36%); Бельгія и Великобританія (по 34%); Нидерланды (33%). *Менѣе одной трети* пролетаріевъ организовано въ Польшѣ (32%), въ Даніи (30%), въ Греціи (25%) и въ Швеціи (25%). *Менѣе одной пятой* пролетаріата организовано въ Швейцаріи (18%), въ Испаніи (17%), въ Литвѣ и Эстоніи (по 15%), во Франціи, Венгріи и Норвегіи (по 14%), въ Португаліи и Латвіи (по 13%). Въ самомъ концѣ стоятъ: Болгарія (9%), Финляндія (5.5%), Югославія (3.8%) и Румынія (2,5%).

Само собой разумѣется, что нигдѣ пролетаріатъ не организованъ такъ, какъ въ странѣ коммунистическаго принужденія: совѣтская власть показываетъ для СССР чуть ли не 100% организованныхъ пролетаріевъ...

*) Самы коммунисты исчисляли свои силы, конечно, гораздо выше, насчитывая вмѣстѣ съ «сочувствующими» отъ 10 до 15 миллионъ.

Все это означает, что основная масса европейского пролетариата (58 миллион^{ов} изъ 92) остается *неорганизованной* и *пассивно предоставляет организованному меньшинству* (около 36%) *говорить за себя и дѣйствовать отъ своего имени.*

Мы видѣли уже, что и въ Европѣ далеко не весь организованный пролетариатъ — настроенъ революціонно. Цѣлый рядъ союзовъ: христіанскихъ (свыше 3 миллион^{ов}), національныхъ, чисто-професіональныхъ, союзы «соціального міра», «независимые» и т. д. — насчитываетъ во всей Европѣ около 10 миллион^{ов}. Ихъ удѣльный вѣсъ является совершенно подавляющимъ въ Италиі послѣ фашистскаго переворота; онъ очень великъ въ Польшѣ и въ Нидерландахъ; онъ замѣтенъ въ Чехословакии, во Франціи, въ Германіи и Великобританіи.

Въ общемъ три красныя теченія распределяются по отдѣльнымъ европейскимъ странамъ такъ. *Соціалисты* Второго Интернаціонала (Амстердамъ) совсѣмъ не имѣютъ рабочихъ союзовъ въ СССР: за то къ нимъ принадлежитъ основная масса организованныхъ рабочихъ въ Великобританіи (4½ миллион^а, 78% всѣхъ англійскихъ организованныхъ рабочихъ), и въ Германіи (5½ миллион^{ов}, 76% всѣхъ нѣмецкихъ организованныхъ рабочихъ). Вліяніе ихъ среди организованныхъ рабочихъ особенно велико въ Даніи (308 тысячъ, 100%), въ Швеціи (293 тысячи, 90%) и въ Австріи (около 1 миллион^а, 93%), они имѣютъ также перевѣсъ въ Югославіи, Бельгіи, Венгріи, Швейцаріи и Франціи. Въ Португаліи, Греціи, Финляндіи, Норвегіи, Литвѣ и Эстоніи ихъ вліяніе ничтожно или равно нулю.

Анархисты-синдикалисты владѣютъ въ Европѣ всего-навсего пятью или шестьюстами тысячъ рабочихъ умовъ. Главное гнѣздо ихъ — Испанія (300 тысячъ); 100 тысячъ рабочихъ поддерживаетъ это теченіе во Франціи, 62 тысячи въ Германіи, 50 тысячъ въ Италиі, 32 тысячи въ Швеціи, 22 тысячи въ Нидерландахъ и 7 тысячъ въ Чехіи *).

Коммунисты, помимо своего основного гнѣзда въ Россіи (отъ 4½ до 5 миллион^{ов} рабочихъ «Профинтерна» **), имѣютъ значительный кадръ въ Чехіи (319 тысячъ, до 21% всѣхъ чешскихъ организованныхъ рабочихъ); до 150 тысячъ во Франціи (до 10% организованныхъ французскихъ рабочихъ); до 54 тысячъ въ Норвегіи (преобладаніе!); до 48 тысячъ въ Финляндіи; до 34 тысячъ въ Болгаріи; до 24 тысячъ въ Румыніи; и около 5 тысячъ въ Латвіи. Въ этомъ кадрѣ, конечно, не сосчитаны всѣ ташныя комъ-ячейки, всѣ «сочувствующіе», всѣ «примкнувшіе» неоткрыто и т. д. Такъ, напр., имѣются свѣдѣнія, что среди нѣмецкихъ металлистовъ до 40% рабочихъ, т. е. свыше 500 тысячъ человекъ

*) Въ Европѣ анархисты имѣютъ 143 тысячи рабочихъ въ Аргентинѣ, 80 тысячъ въ Соединенныхъ Штатахъ и 30 тысячъ въ Мексикѣ.

**) По ихъ подсчету до 6½ миллион^{ов}.

сочувствуютъ коммунистамъ. Сами коммунисты исчисляли свой европейскій кадръ помимо Россіи на 1 января 1921 года въ 1 200 тысячъ примкнувшихъ и въ 4 342 тысячи «сочувствующихъ».

Все это позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Пролетаратъ, самъ по себѣ, не есть революціонный классъ, но при скученности и при тяжелыхъ условіяхъ жизни онъ является средою, легче всего поддающейся революціонной заразѣ.
2. Главнымъ гнѣздомъ революціи на земномъ шарѣ является Европа.
3. Революціонный кадръ рабочихъ составляетъ незамѣтное меньшинство въ составѣ всего человѣчества, чрезвычайное меньшинство въ составѣ европейскаго населенія и значительное меньшинство въ составѣ европейскаго пролетаріата.
4. Революціонный кадръ рабочихъ не имѣетъ ни основанія, ни права говорить отъ лица пролетаріата въ цѣломъ — ни по духу, ни по числу.
5. Ему даетъ «преобладаніе» — во-первыхъ, разрушительная и демагогическая *волевая идея* («революціонный социализмъ»); во-вторыхъ, *организационная сплоченность*; въ третьихъ, *безволіе, беззидеиность и распыленность другихъ классовъ*.

Редакція.

II. РУССКІЙ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Стихійно возрастала тяга народная къ школѣ въ послѣднія предвоенныя десятилѣтія. Безпрерывно пирившаяся школьная сѣть ломилась подъ ея напоромъ, и все же неизмѣнно оказывалась слишкомъ тѣсной. То были пышные всходы *пятидесятилѣтнихъ годовъ*; итоги упорной работы друзей просвѣщенія въ раскрѣпощенной Россіи.

Безпрерывно, хотя и незамѣтно, росъ русскій народный учитель. Количественно и качественно. Это наглядно показалъ 1-ый всероссійскій съѣздъ по народному образованію въ Петербургѣ въ декабрѣ 1913 г. Изъ 7000 добровольныхъ участниковъ на немъ оказалось 6000 съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи народныхъ учителей, почему и самый съѣздъ. — прощальный смотръ, — получилъ названіе «Съѣздъ учителя».

Русскій народный учитель, въ лицѣ своихъ руководителей, располагалъ всѣми достижениями заграничнаго опыта и знаній, до самыхъ смѣлыхъ и передовыхъ. Въ то же время участники съѣзда слишкомъ хорошо отдавали себѣ отчетъ въ от-

личіи условій русской деревенской жизни отъ заграничныхъ. И это обстоятельство, служа препятствіемъ къ использованию педагогическаго опыта другихъ, огорчало. Вызывало досаду и сѣтованія.

Школь не хватало. Но принятый Государственной Думой законъ о всеобщемъ обученіи обеспечивалъ непрерывный притокъ нужныхъ на постройку средствъ. Не хватало книгъ и пособій. Но и тутъ условія быстро улучшались, а самый недостатокъ объяснялся *не столько скудостью притока, сколько стихійностью роста школы*. Чувствовался недостатокъ подготовки самихъ учителей. Но навстрѣчу этой нуждѣ шли учительскіе съѣзды и поѣздки. Участились даже поѣздки за границу; и русскаго народнаго учителя уже можно было встрѣтить изучающимъ развалины Акрополя или Римскія катакомбы. Не сладко было скудное житье учителя. Но и тутъ принятый Государственной Думой законъ обеспечивалъ пятилѣтнія прибавки, доводившія жалованье народнаго учителя до 600 рублей въ годъ.

Все это бодрило. А главное, въ русскомъ народномъ учителѣ жила *вѣра въ приносимую имъ пользу*, въ свое дѣло, явившееся служеніемъ идеаламъ правды и добра. Эту вѣру и идеалы, — душу русскаго народнаго учителя, — передали въ наслѣдіе послѣдующимъ поколѣніямъ первые учителя-добровольцы, среди которыхъ были гр. Л. Толстой, бар. Корфъ (основатель земской школы) и лучшіе изъ учащейся молодежи, увлеченные въ 1857—58 гг. преподаваніемъ въ воскресныхъ школахъ. Эту традицію закрѣпили творцы русской народной школы, у колыбели которой стояли *Пироговъ, Ушинскій, Рачинскій*. Пусть далеко не всѣ изъ почти стотысячной арміи народныхъ учителей были на высотѣ по своей подготовкѣ и склонностямъ. Ядро русскаго народнаго учительства, опредѣлявшее его духовный обликъ, состояло все же изъ самоотверженныхъ подвижниковъ просвѣщенія. Особенно выдѣлялась своими педагогическими качествами получившая доступъ къ преподаванію въ народной школѣ съ 1861 г. русская женщина, *подвижница по природѣ*. Чистая и чуткая, беззавѣтно преданная дѣлу, она стала свѣтильникомъ, направлявшимъ русскую народную школу по пути, который ей указалъ Пироговъ, когда онъ предлагалъ учить ребятъ — *«Быть человекомъ!»*

Совѣтская власть поставила другую задачу. «Быть коммунистомъ», «классовымъ» партійцемъ, иніиономъ, предателемъ. — вотъ чему должна учить народная школа прежде всего. И какъ бы чувствуя, что старый русскій народный учитель на это неспособенъ, она нашла нужнымъ переименовать его въ «школьные работники». Отсюда, по всѣмъ правиламъ совѣтскаго словообразованія вышелъ знаменитый «шкрабъ», какъ

теперь зовутъ школьнаго учителя. О немъ пишетъ въ «Бѣднотѣ» учитель изъ Полтавской губерніи такъ: — «Шкрабъ, рабъ — народный учитель... У насъ называютъ шкрабовъ рабами и, пожалуй, есть много истины въ этой игрѣ словъ. Учитель нашъ рабъ всевозможныхъ начальствъ, которое платитъ ему мизерное жалованье и требуетъ много работы. Учитель рабъ мѣстныхъ «культурно-просвѣтительныхъ» органовъ, которые «используютъ» его. Учитель рабъ неумѣлыхъ политпросвѣтовъ, политпереподготовокъ... Учитель — рабъ въ своей школѣ съ побитыми, поломанными партами, безъ учебниковъ, безъ литературы...»

Другой учитель, Черниговской губ. («Красное Знамя»), «не получая всю весну и лѣто жалованья, исчерпавъ всѣ возможности къ поддержанію существованія вплоть до пастушества и чтенія псалтиря надъ покойниками, обратился съ просьбой о выдачѣ содержанія, хотя бы частичнаго. Ему сказали въ Нѣжинѣ. — и это не было плодомъ уѣзднаго остроумія, но являлось официальнымъ отвѣтомъ на официальное заявленіе. — буквально слѣдующее: — теперь вся скотина на пашнѣ, придется и вамъ до осени побыть на подножномъ корму, — денегъ нѣтъ...»

На школу у совѣтской власти *денегъ нѣтъ*. Школы не ремонтируются, о новыхъ постройкахъ нечего и говорить. Школа лишена всего самаго необходимаго. Жалованье учителямъ, сведенное совѣмъ на нѣтъ въ пору «интегрального коммунизма», было съ нѣномъ увеличено примѣрно *до 4 руб. въ мѣсяць*. Когда же въ 1925 г. совѣтская власть рѣшила *купить* упорно противодѣйствовавшего разложенію школы народнаго учителя, ему обѣцано было 28 руб. въ мѣсяць. Но это осталось на бумагѣ и сейчасъ, по самымъ новѣйшимъ даннымъ, жалованье учителямъ едва доходитъ до половины довоеннаго, и къ тому же часто безнадежно запаздываетъ.

Приниженный, доведенный до крайней нужды, теряющій вѣру въ свое дѣло, лишенный всякихъ пособій, народный учитель долженъ насаждать въ школѣ «Дальтонъ планы», къ которымъ, какъ ко всякой «планетарщинѣ» равнодушна совѣтская власть. А наряду съ этимъ, поставленный подъ надзоръ всякихъ политическихъ соглядатаевъ, пользующихся дѣтьми для слѣжки, онъ обязанъ учить ребятъ «быть коммунистами». онъ долженъ *содействовать ихъ духовному растленію*.

Поистинѣ ужасна трагедія русскаго народнаго учителя, въ которомъ сохранились свѣтлыя старыя традиціи и не умерла воля къ противодѣйствію совѣтскому насилию надъ дѣломъ здороваго воспитанія дѣтей. Только этимъ упорнымъ и самоотверженнымъ противодѣйствіемъ можно объяснить, что до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ русской народной школѣ здоровыя клѣточки и ткани, которыя служатъ залогомъ ея возро-

ждения при переменѣ условій. Но еще ужаснѣе личная драма русской народной учительницы, этой свѣтлой подвижницы, на которую похотливое совѣтское начальство смотритъ не иначе, какъ на доступную наложницу. Сколько случаевъ дикихъ насилій надъ нею можно привести даже изъ совѣтской печати!..

Неудивительно, что всѣ, кто можетъ, бѣгутъ отъ школы. *предпочитая любое занятіе учительству.* И несмотря на громадную нужду въ учителяхъ, среди русскихъ народныхъ учителей, по совѣтскимъ даннымъ этого лѣта, свирѣпствуетъ большая и длительная безработица.

Такъ изуродовала совѣтская власть условія работы русскаго народного учителя, которыя передъ самой войной быстро улучшались. Одного не смогла эта власть добиться: совершенно убить живой и свѣтлый духъ русскаго народного учителя, растлить и вытравить высокія школьныя традиціи, которыя были переданы ему, какъ знамя, прежними поколѣніями строителей великой культурной Россіи.

Б. Никольскій.

III. ЧТО ДАЛА РЕВОЛЮЦІЯ РУССКОМУ РАБОЧЕМУ?

Большевицкая революція была не только политическимъ переворотомъ (захватъ государственной власти), но и социальнымъ (передѣлъ имущества) и коммунистическимъ (захватъ пролетариатомъ всей частной собственности). Поэтому она помимо власти, должна была дать русскимъ рабочимъ всевозможныя матеріальныя блага во всей ихъ полнотѣ. Въ началѣ революціи именно эти посулы имѣли рѣшающее значеніе въ глазахъ одурманенныхъ коммунистической словесностью народныхъ массъ.

Коммунизмъ, уничтожая «капиталистическую эксплуатацію» рабочихъ, долженъ былъ радикально улучшить ихъ матеріальное положеніе, какъ по сравненію съ русскимъ прошлымъ, такъ и по сравненію съ современнымъ положеніемъ промышленныхъ рабочихъ во всемъ остальномъ мірѣ.

Нижеприведенныя краткія данныя, почерпнутыя исключительно изъ совѣтскихъ источниковъ, должны дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эта цѣль была достигнута за 10 лѣтъ большевицкаго господства и экспериментированія надъ Россіей.

Заработная плата. Первые же годы коммунистическаго хозяйничанья привели къ тому, что заработная плата русскихъ

рабочихъ при «военномъ» (т. е. послѣдовательно и сурово проводимомъ) коммунизмѣ упала до уровня, какого она никогда еще не достигала ни въ одной капиталистической странѣ. Въ январѣ—мартѣ 1921 г. она равнялась въ среднемъ 13% довоенной платы (3 р. 36 к. въ мѣсяць въ такъ назыв. бюджетныхъ рубляхъ, изъ которыхъ 23 коп. деньгами, остальные натурой)*).

Въ послѣдующіе годы, по мѣрѣ того, какъ большевики подъ давленіемъ хозяйственной необходимости отказывались отъ демагогической болтовни въ стѣнахъ своихъ предприятий, заработная плата постепенно росла.

Этотъ ростъ — по сравненію съ средней довоенной платой промышленнаго рабочаго и съ учетомъ покупательной способности червоннаго рубля (реальная заработная плата) — совѣтская статистика изображаетъ слѣдующимъ образомъ*):

Заработная плата (мѣсячная) въ %% къ 1913 г.:

1913	100,0
1922—23	49,2
1923—24	67,1
1924—25	82,6
1925—26	93,7
1926—27 (1-е полугодіе)	100,0

Итакъ, по даннымъ самой совѣтской статистики потребовалось 10 лѣтъ для того, чтобы довести заработную плату русскихъ рабочихъ до уровня, на которомъ она находилась въ пору — съ точки зрѣнія большевиковъ — «злѣйшей» эксплуатаціи русскихъ рабочихъ частной промышленностью. Въ то же время сами большевики признаютъ, что въ большинствѣ капиталистическихъ странъ Европы и Америки реальная заработная плата промышленныхъ рабочихъ повысилась по сравненію съ довоеннымъ временемъ.

Но и эта заработная плата оказывается для коммунистическихъ хозяевъ русской промышленности экономически неносильной. Отсюда постоянные разговоры о томъ, что ростъ заработной платы угрожающе обгоняетъ плановыя предположенія; отсюда же хроническія задержки выплаты заработной платы и т. п.

Рабочее время. Если «мы» и не могли еще поднять заработокъ русскаго рабочаго выше довоеннаго, — говорятъ большевики — зато мы одни во всемъ мірѣ осуществили 8-часовой

*) Ср. Ковалевскій, 10 лѣтъ экономической политики пролетаріата, «Плановое Хозяйство», 1926, X, стр. 27.

*) Рабиновичъ: Движеніе зарплатъ и производительности труда. «Эконом. Жизнь», № 179 (9 августа 1927 г.).

рабочій день. Оффіціальная статистика даже указываетъ, что средній рабочий день въ промышленности СССР составлялъ въ 1926 г. 7.6 часовъ въ день.

Но въ эту среднюю не включены сверхурочныя работы, массовымъ примѣненіемъ которыхъ большевики обходятъ 8-часовую норму. Въ своемъ докладѣ на IV пленумѣ ВЦСПС (Всесоюзнаго Центральнаго Совѣта Профессіональных Союзовъ) Каплушъ сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія о примѣненіи сверхурочныхъ работъ на Украинѣ въ 1926 г. (по отчету «Труда», № 132, 10 июня 1926 г.):

«На Украинѣ по всемъ производствамъ въ мартѣ т. г. 30% рабочихъ работали сверхурочно и на каждого приходилось въ мѣсяць 28 сверхурочныхъ часовъ. По металлургіи сверхурочно работало 70% всѣхъ рабочихъ и на каждого рабочаго приходилось 40 часовъ. Положеніе явно неблагоприятное».

О широкомъ примѣненіи сверхурочныхъ работъ имѣются также данныя по горной промышленности («Вопросы Труда», мартъ 1927 г., стр. 86—88), при чемъ авторъ статьи указываетъ на то, что кромѣ «оффіціальныхъ» сверхурочныхъ работъ на совѣтскихъ фабрикахъ и заводахъ широко практикуются и «неоффіціальныя» сверхурочныя работы, никакой статистикой не регистрируемыя: «такія замаскированныя сверхурочныя работы, являясь по существу наихудшимъ видомъ сверхурочныхъ работъ, статистическимъ учетомъ не охватываются. Поэтому цифры, приведенныя выше, и нужно считать преуменьшенными».

Несмотря на то, что по признанію самихъ большевиковъ, 8-мичасовой рабочий день на практикѣ не былъ еще вездѣ проведенъ, совѣтская власть объявила въ юбилейномъ октябрьскомъ манифестѣ о предстоящемъ введеніи въ СССР 7-мичасового рабочаго дня (для промышленныхъ рабочихъ). Истинные мотивы этой мѣры были двоякаго рода. Во-первыхъ, какъ это явствуется изъ рѣчи, произнесенной Рыковымъ въ Харьковѣ на съѣздѣ украинской коммунистической партіи («Эк. Жизнь», 26 ноября 1927 г.), сокращеніе рабочаго времени и связанный съ нимъ переходъ отъ работы на двѣ смѣны къ работѣ на три смѣны долженъ былъ явиться средствомъ поглощенія хотя бы части той массы безработныхъ, которая доставляетъ все больше заботъ совѣтской власти. Во-вторыхъ, проведеніемъ этой мѣры преслѣдовалась цѣль оживить стынущія симпатіи европейскихъ рабочихъ къ коммунистической диктатурѣ въ Россіи, хотя при этомъ большевики не скрывали отъ самихъ себя, что практическое проведеніе этой демагогической мѣры связано для нихъ съ цѣлымъ рядомъ затрудненій финансоваго и иного свойства (отсутствіе квартиръ для третьей смѣны, тамъ гдѣ она должна быть введена). Объ этомъ прямо заявили извѣст-

ный коммунистъ Манцевъ, предсѣдательствовавшій на посвященномъ этому вопросу собраніи въ Москвѣ 1 декабря 1927 г.: «Семичасовой рабочей день прежде всего является лозунгомъ въ борьбѣ рабочаго класса. Проводимый у насъ практически, онъ вызываетъ большія симпатіи въ пролетаріатѣ Запада... Практическое же осуществленіе у насъ 7-мичасового дня, конечно, встрѣчаетъ большія затрудненія». («Эк. Жизнь», 2 декабря 1927 г.).

Первый опытъ проведенія 7-мичасового рабочаго дня на 16 текстильныхъ фабрикахъ московскаго района, произведенный въ январѣ 1928 г., показалъ, насколько значительны эти затрудненія, и уже черезъ нѣсколько дней Народный комиссаръ труда Шмидтъ долженъ былъ заявить, что «онъ итѣмъ этихъ нѣсколькихъ предпріятій надо ограничиться въ текущемъ году» («Трудъ», 21 января 1928 г.). Такимъ образомъ, практическое проведеніе этой демагогической мѣры откладывается, новидимому, на неопредѣленное время.

Несчастные случаи. Хотя большевики и утверждали всегда, что частная промышленность не принимала достаточныхъ мѣръ для охраны жизни и здоровья рабочихъ, но въ коммунистической промышленности число несчастныхъ случаевъ (считая на 1000 занятыхъ рабочихъ) больше, чѣмъ въ дореволюціонное время: и кромѣ того оно обнаруживаетъ тенденцію къ росту — по мѣрѣ того какъ все болѣе изнашивается такъ «дешево» доставшееся большевикамъ въ наслѣдство отъ буржуазнаго строя оборудованіе фабрикъ и заводовъ. Каплунъ въ статьѣ «Охрана труда и рационализація производства» («Экон. Жизнь», № 104, 11 мая 1927 г.) приводитъ слѣдующія поквартальные данныя: «Третій кварталъ 1925 г. давалъ на 100 000 проработанныхъ челоуѣко-дней въ среднемъ 30 травмъ съ утратой трудоспособности: четвертый кварталъ—32.5; первый кварталъ 1926 г.—33.8, второй кварталъ—45, третій кварталъ—46.3, а четвертый—48.0. Такимъ образомъ мы видимъ, что за 1½ года число учтенныхъ несчастныхъ случаевъ возросло примѣрно въ 1½ раза».

Жилищныя условія. Въ области жилищныхъ условій коммунистическая власть, наиболѣе нагляднымъ, осязательнымъ образомъ улучшила, казалось бы, условія жизни рабочихъ въ смыслѣ всеобщаго «поравненія»: дома были «націонализированы» или муниципализированы; съ рабочихъ, какъ съ привилегированнаго класса, взымалась относительно ничтожная квартирная плата; кромѣ того изъ десятковъ тысячъ домовъ были выселены (или уплотнены «до отказа») ихъ прежніе «буржуазные» обитатели и на ихъ мѣсто вселены были рабочіе.

Результатъ этого «квартирнаго передѣла» былъ одинъ и тотъ же и для старыхъ и для новыхъ рабочихъ жилищъ:

вслѣдствіе отсутствія ремонта и ухода — дома стали разрушаться и жилищная площадь на одного рабочаго уменьшаться. Большевики считают минимальной «санитарной» жилищной нормой 8 кв. метровъ на человека. Между тѣмъ фактическая средняя жилая норма по городамъ СССР составляетъ всего 6 кв. метровъ на человека. Это — въ среднемъ; въ отдѣльныхъ же случаяхъ она уменьшается до «гробовой нормы» (выраженіе, принятое въ совѣтской печати).

Большевики разрабатываютъ грандіозные планы строительства рабочихъ жилищъ. Но произведенныя ими разрушенія таковы, что они сами признаютъ, что даже при условіи осуществленія разработаннаго ими пятилѣтняго плана жилищнаго строительства (т. е. при условіи, какъ показали опыты, весьма мало вѣроятномъ)—жилищная нужда въ русскихъ городахъ можетъ только ухудшаться. Вотъ что писали объ этомъ недавно московскія «Извѣстія» (II. Кожаный. «Борьба за здоровое рабочее жилище», № 148, 2 июля 1927):

«Для сохраненія жилой нормы въ 6 кв. метровъ (вмѣсто санитарной 8 кв. метр.) пришлось бы въ теченіе нынѣшняго пятилѣтія истратить не менѣе 4½—5 миллиардовъ рублей. По пятилѣткѣ Госплана СССР на рабочее жилищное строительство въ теченіе этого пятилѣтія (1927—1931) можетъ быть отпущено 2 290 милл. рубл. Ясно, что въ ближайшіе годы насъ ожидаетъ дальнѣйшее уменьшеніе фактической душевой жилищной нормы».

Если денежная заработная плата совѣтскаго рабочаго, по ея покушной способности, и приближается къ дореволюціонной, то это возможно было до сихъ поръ только благодаря тому, что рабочіе почти ничего не платятъ за свои квартиры, ибо «расходы на квартирную плату составляютъ въ среднемъ по СССР около 4% всего бюджета трудящихся» («Правда», № 178, 7 августа 1927). Это важно запомнить. Это значитъ, что если бы большевики установили квартирную плату, соответствующую расходамъ по содержанию и восстановленію домовъ, т. е. прекратили бы проѣданіе и расхищеніе доставшагося имъ домашнего капитала, то автоматически понизилась бы на 20—25% реальная заработная плата.

Безработица. Растущая безработица представляетъ собою въ полномъ смыслѣ слова язву совѣтскаго хозяйства. Дореволюціонная Россія не знала безработицы, какъ массоваго и хроническаго явленія. Быстро развивавшаяся промышленность въ періодъ 1900—1914 г.г. съ легкостью поглощала избыточное населеніе деревни. Не то теперь. «Безработица это—огромное зло, которое большой тяжестью виситъ на нашемъ государствѣ»—говорилъ Куибышевъ въ своемъ докладѣ XV партійной

конференції. Тотъ же коммунистъ правильно опредѣлялъ въ своемъ докладѣ основную причину этого роста безработицы: «Наша безработица объясняется земельнымъ перенаселеніемъ, объясняется тѣмъ, что новые и новые кадры выталкиваются изъ деревни, благодаря происходящему тамъ разслоенію, благодаря тяжелому положенію, въ которомъ находится крестьянство вообще».

Да, совѣтская безработица это — нашествіе на городъ избыточнаго сельскаго населенія.

Эта армія безработныхъ непрерывно растетъ и насчитываетъ сейчасъ круглымъ числомъ полтора милліона человекъ (на 1 октября 1926 г. — 1 070 000, на 1 мая 1927 г. — 1 428 000, см. «Правда», отъ 7 июня 1927 г.).

Если къ осени 1927 г. безработица («зарегистрированная») нѣсколько сократилась, то это отчасти является слѣдствіемъ «нѣкоторыхъ ограниченій регистраціи въ отношеніи впервые ищущихъ труда», введенныхъ съ весны 1927 г. и имѣвшихъ цѣлью ограничить приливъ новыхъ безработныхъ изъ деревни. (См. Я. Гиндинъ, «Планъ борьбы съ безработицей на 1927—28 г.», «Правда», 23 октября 1927 г.).

Какъ же обезпечиваетъ коммунистическая власть эту массу безработныхъ, которыхъ она безсильна занять производительнымъ трудомъ? Въ своихъ демагогическихъ выступленіяхъ за предѣлами СССР (напр., на состоявшейся въ маѣ 1927 г. въ Женевѣ Міровой Экономической Конференціи) большевики неизмѣнно выставляютъ для другихъ требованіе о томъ, чтобы безработные были обезпечены пособиями: 1) всѣ, 2) въ размѣрѣ полного средняго заработка.

Это мѣрка для другихъ. Но сама совѣтская власть далека отъ осуществленія у себя этихъ требованій.

Во-первыхъ, пособие по случаю безработицы получаютъ меньше половины зарегистрированныхъ безработныхъ (а это еще далеко не всѣ). Изъ зарегистрированныхъ на 1 мая 1927 г. 1 428 000—пособіе получали около 600 000 («Правда», 7 июня 1927 г.). По другимъ даннымъ эта пропорція еще меньше. Изъ числившихся въ ноябрѣ 1926 г. 1 254 000 безработныхъ на пособіи состояло всего 330 500 (см. Минцъ. Современное состояніе безработицы въ СССР, «Статистическое Обзорѣніе», 1927 г., мартъ, стр. 33).

Во-вторыхъ, меньшинство безработныхъ, получающее пособие, далеко не получаетъ его въ размѣрѣ полного средняго заработка. Въ началѣ 1927 г. безработные были раздѣлены на 3 категоріи; I категорія получаетъ 33% средняго заработка, II — 25% и III — 20% («Извѣстія», 2 апрѣля 1927 г.). Въ червонныхъ рубляхъ средняя норма пособій составляетъ 18 р. (въ мѣсяцъ) по первой категоріи и 12 р. — по второй.

Кромѣ принимающей все болѣе грозные размѣры безработицы, большевикамъ приходится считаться съ небывалой те-

кучеством рабочаго состава. Происходить непрерывное переселеніе рабочихъ съ одного завода на другой. «На нѣкоторыхъ заводахъ Донецкаго бассейна составъ рабочихъ въ теченіе одного года обновлялся три раза» («Экон. Жизнь», 26 августа 1927 г.). На заводахъ Югостали «въ мартиновскихъ цехахъ нѣкоторыхъ заводовъ въ теченіе 5 мѣсяцевъ составъ рабочихъ мѣнялся три раза» («Эк. Жизнь», 27 августа 1927 г.).

Это массовое пролетарское бродяжничество свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о неудовлетворенности русскихъ рабочихъ подѣ советскимъ игомъ, объ ихъ попыткахъ постоянной перемѣной мѣста работы улучшить свое положеніе. Съ другой стороны оно является лишнимъ подтвержденіемъ того, что въ огнѣ «пролетарской» революціи погибъ и разсѣялся старый классъ опытныхъ, квалифицированныхъ рабочихъ, сравнительно осѣдлыхъ, обладавшихъ также извѣстными традиціями и навыками, которыхъ нѣтъ у молодежи коммунистическаго набора. Словомъ подтверждаются слова Дзержинскаго, сказанныя имъ больше года тому назадъ въ его предсмертной «исповѣди»: «у насъ исчерпался запасъ квалифицированной рабочей силы и мы сейчасъ стоимъ вплотную передъ необходимостью его возстановленія».

Революція, произведенная подѣ знаменемъ «рабоче-крестьянской власти» не только растратила доставшіяся ей капиталы, не только хищнически растратила жилищный фондъ, она «растратила» русскаго рабочаго.

В. Гефдингъ.

IV. ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

(Историческіе матеріалы)*).

1. Если ты ведешь политическую борьбу за порабощенную Родину и эта борьба заставляетъ тебя совершать поступки, которые твой врагъ признаетъ политическими преступленіями, то ты долженъ *заранѣе приготовить* къ тюрьмѣ. ссыт-

*) Этотъ документъ былъ доставленъ въ редакцію нашимъ сотрудникомъ при письмѣ:

Милостивый Государь, г. Редакторъ!

Надняхъ мнѣ переслали нижеслѣдующую, циркулирующую по рукамъ записку. Не признаете ли возможнымъ напечатать этотъ интересный документъ въ качествѣ историческаго матеріала, столь характернаго и поучительнаго для переживаемаго нами трагическаго времени? Привожу его въ копій.

Съ истиннымъ уваженіемъ

Старый Политикъ.

къ и. можетъ быть, казни. Готовиться *послѣ* ареста будетъ поздно; все должно быть продумано и предусмотрено заранее.

2. Съ самаго начала и до конца помни, что арестъ и тюрьма не только не освобождаютъ тебя отъ необходимости соблюдать все правила конспираціи, но *усугубляютъ эту необходимость*. На волѣ подборъ людей — случайный: а въ тюрьмѣ — и тюремщики, и заключенные присутствуютъ *не* случайно. Тюремщики прямо *обязаны* сообщать о тебѣ все, что обнаружится. Среди арестованныхъ же всегда имѣются и неопытные обыватели, и легкомысленные болтуны, и малодушные перебѣжчики (тщательно скрывающіе свою «эволюцію»), и искусно притворяющіеся, мнимо-арестованные агенты.

3. Поэтому *никогда никому* не рассказывай въ тюрьмѣ настоящихъ причинъ и основаній твоего ареста. Не предавайся дешовому тщеславію; не хвастай; какъ бы ни быть «симпатиченъ» твой сосѣдь — не признавайся ни въ чемъ, не откровенничай не изливайся. Будь спокоенъ и уравновѣшенъ. Молчи о своемъ дѣлѣ и сочувственно слушай, что говорятъ другіе: скоро вся камера придетъ къ тебѣ съ рассказами и заутѣшеніемъ. А ты будь остороженъ до конца.

4. Пока ты сидишь въ общей камерѣ, — старайся незаметно создать вокругъ себя атмосферу корректности, справедливости, чести, организованности. Не подчеркивая, дружелюбно, но твердо — организуй и воспитывай. Никогда не раздражайся; ни съ кѣмъ не ссорься. Подбери себѣ двухъ такихъ же сосѣдей и создай моральный и физическій авторитетъ въ камерѣ. Черезъ нѣсколько дней все будутъ вась во всемъ слушаться. А ты продолжай блюсти неподчеркнутую замкнутость.

5. Арестованные всегда томятся: обстановкой, вынужденнымъ бездѣліемъ и безпокойными мыслями. Помогни имъ держать хребетъ и создай имъ живое отвлеченіе. Организуй часъ утренней уборки: часъ вольной гимнастики; часъ послѣобѣденной тишины; часъ портяжковой взаимопомощи; часъ общеобразовательныхъ лекцій (лучше *не* на общественно-политическія темы); если возможно — часъ хорового пѣнія (хотя бы вполголоса). Непремѣнно проводи систему ранняго ложенія («необходимо беречь нервы!») и часъ молитвенной тишины передъ сномъ. Проведи волевого, тактичнаго, честнаго старосту. Ничего не понуждай: быстро вовлекутся сами. И новые сами будутъ примыкать. Самые свирѣпые сторожа быстро начнутъ уважать вась (ихъ побѣдить инстинктъ порядка). Весь этотъ духъ камеры быстро обозначить *мнимо-арестованнымъ*: изолируй ихъ, не оскорбляя: и они скоро уберутся сами.

6. Не пиши ничего конспиративнаго изъ тюрьмы на волю: перехваченная записка есть неопровержимая улика противъ тебя и противъ адресата. Передавать можно только устно: и

то через людей абсолютнаго довѣрія и конспиративной опытности. Неосторожныя письма погубили не одного борца.

7. Заранѣ внутренне приготовься къ долгому одиночному заключенію. суровому — безъ передачъ, безъ свиданій и безъ денегъ. Для этого научись подолгу молчать и изживать душевныя муки и смятенія *не въ бѣсѣдахъ, а наединѣ съ собою*. Ничто не поможетъ въ этомъ такъ, какъ ежедневная молитва.

8. Одиночное заключеніе содержитъ въ себѣ пытку *пространствомъ и неподвижностью*. Тебѣ поможетъ легкая вольная гимнастика (аккуратно два раза въ день, по полчаса, не до утомленія); и дыханіе (система Кофлера: лежа на спинѣ, съ вытянутыми руками и закрытымъ ртомъ, вдыханіе черезъ носъ до наполненія легкихъ, выдыханіе черезъ сжатые зубы на букву «sss»; то и другое *какъ можно медленно*, съ перерывами, прибавляя каждый день).

9. Одиночка есть пытка *бездѣйствіемъ*. Создай себѣ внутреннюю занятость: читай наизусть любимыхъ поэтовъ; сочиняй самъ стихи, хотя бы плохіе; рѣшай математическія и шахматныя задачи; отыскивай ко всему родовыя и видовыя понятія; дѣлай мнемоническія упражненія (только легкія). Особенно же: ищи самые чистые моменты твоей жизни и живи въ нихъ воображеніемъ и чувствомъ; подолгу пребывай мыслью съ твоими любимыми Святыми и героями; укрѣпляйся въ мысли о безсмертіи твоей души и о существенной реальности духовнаго начала; постоянно, до самозабвенія. уходи мыслью въ благодать Божію. въ священное естество Россіи и въ безконечность вселенной. Тогда ты быстро научишься совсѣмъ не смущаться при мысли о смерти и казни.

10. Научись заранѣ обходиться безъ *куренія*; иногда курильщики. умные и честные люди. бывають готовы на всякое униженіе изъ-за напирасы. Только знутренняя сосредоточенность поможетъ тебѣ легко переносить муки *голода*: вспомни великихъ постниковъ и отшельниковъ.

11. Въ одиночкѣ къ тебѣ придуть *соблазны*. Первый соблазнъ *страха*: воображеніе начнетъ рисовать тебѣ твои опасности (сцены погони. допроса. казни) — бывшія и будущія, возможныя и невозможныя. заставляя тебя все снова и снова «бороться» и «одолѣвать»: какъ въ кошмарахъ. Останови эту болъную игру усиленіемъ воли: манія преслѣдованія таить въ себѣ для многихъ сладкую отраву: она можетъ совсѣмъ разложить твою душу: не поддавайся ей. Дай воображенію другую пищу. Не пытайся предрѣшать своихъ отвѣтовъ на допросѣ: въ нужную минуту отвѣты придуть сами. Отдай на волю Господа и жизнь свою и ея срокъ; и страхъ исчезнетъ.

12. Второй соблазнъ *самоосужденія и сомнѣнія въ избранномъ пути*: ты увидишь тактическія ошибки. сдѣланныя тобою

въ прошломъ, онѣ покажутся тебѣ «роковыми», чуть не «преступленіями»; отсюда родится тоска о томъ, что ты можешь быть уже «погубилъ кого-нибудь», смятеніе и сознаніе, будто ты «не долженъ былъ ввязываться въ борьбу». Оставь это мнительное малодушіе: оно есть дѣйствіе не совѣсти, а *страха* и *утомленія*. Не ошибается только тотъ, кто не дѣйствуетъ; бездѣйствующій же совершаетъ не ошибку, а преступленіе. Ошибки стоить продумывать не для самотерзанія, а только для того, чтобы ихъ больше не дѣлать. Богъ видитъ огонь твоего сердца и твоей воли: а Родина не судитъ твои ошибки.

13. Третій соблазнъ *искренности*. Тебѣ, можетъ быть, придется лгать на допросѣ и эта ложь можетъ показаться тебѣ *трусостью* и *униженіемъ*: вспыхнетъ искушеніе открыто «во всемъ» сознаться. Не поддавайся этому соблазну: врагу твоей Родины ты не повиненъ ни откровенностью, ни искренностью; крѣпко зажми въ душѣ чрезмѣрную впечатлительность; помни, что ты обороняешь не себя, а *дѣло*; будь прозраченъ передъ Богомъ и совѣстью — и загадоченъ передъ лицомъ врага; въ случаѣ же неудачи — предоставь «изобличающему» тебя слѣдователю его дешовое торжество. Спокойно и мужественно обороняй Родину вынужденною ложью.

14. Четвертый соблазнъ — *компромиссъ*. Его предложить тебѣ враги, уговаривая и угрожая; обѣщая «помилованіе» и «спасеніе»; доказывая тебѣ твою мнимую неправоту и изображая *свою* силу, свою *идейность* и свою *справедливость*. Не вѣрь имъ: имъ надо вовлечь тебя въ предательство, унижить, использовать и морально раздавить; а въ случаѣ нужды они все-таки убьютъ тебя. Компромиссъ есть *договоръ*; а тебя увлекаютъ обманомъ въ покорность и гибель. Компромиссъ есть *взаимная* уступка: а тебя увлекаютъ въ одностороннюю сдачу. Обманешь ли ты шуллера, который даже не скрываетъ своего шуллерства? Что можешь ты «уступить» ему изъ дѣла твоей Родины? Спокойно держись до конца; ясно и твердо смотри въ глаза врагу. Все въ волѣ Божіей.

15. Если вернешься съ допроса въ одиночку измученный — не дѣлись ничѣмъ ни съ сосѣдями, которые начнутъ перестукиваться съ тобою, ни съ новымъ «сожителемъ», котораго внезапно подсадятъ къ тебѣ въ камеру: это навѣрное шпионъ. Одинокое береги свою тайну. У тебя есть исходы: молчаливая молитва и тихія ночныя слезы (закройся съ головою!) облегчать твою душу.

16. Если тебя будутъ подвергать душевнымъ пыткамъ—долго держать подъ револьверомъ, водить на разстрѣлъ и не разстрѣливать, убивать другихъ въ твоемъ присутствіи, оставлять тебя въ мертвецкой съ трупами и т. д. — то, вернувшись въ одиночку, дай полную волю слезамъ, стомамъ и крику: душевное потрясеніе сломитъ тебя, если ты его не изживешь. Но

помни, что только способность къ высшимъ молитвеннымъ напряженіямъ (до экстаза) можетъ *обезпечить* тебѣ духовную побѣду въ этихъ испытаніяхъ.

17. Въ предвидѣніи всѣхъ возможностей — заранѣе изучи яды: ихъ *добываніе*, ихъ *храненіе*, ихъ *дѣйствіе*: въ *любой* моментъ тюремнаго заключенія ты долженъ быть *властенъ и надъ своею смертью*.

Копію снятъ

Старый Политикъ.

V. РЕВОЛЮЦІЯ И ВЫХОДЪ ИЗЪ НЕЯ. (ДЛЯ ПАМЯТИ).

О, этотъ вѣкъ, воспитанный въ крамолахъ.
Вѣкъ безъ души, съ озлобленнымъ умомъ!

Тютчевъ.

Съ прекращеніемъ страха Божія начинается разнузданіе всѣхъ страстей и господство такого образа мыслей, который затопить міръ потоками крови.

Лейбницъ.

Люди нашихъ дней рождены для порицанія: отъ всего Ахиллеса они видятъ одну лишь пятю.

Эбнеръ-Эшенбагъ.

Все разрушать и все опорочивать — легче, чѣмъ самому создавать что-нибудь положительное.

Бисмаркъ.

Добрые болтуны, неряхи словесные!.. Вы хуже негодяевъ, вреднѣе.

Льсковъ.

Каждое сословіе имѣетъ свою чернь.

Графъ В. А. Соллогубъ.

Никто не судить съ такою рѣзкостью, какъ необразованный; онъ не признаетъ ни доказательствъ, ни опроверженій, и воображаетъ, будто онъ всегда правъ.

Фейербагъ.

Полунаука, самый страшный бичъ челоуѣчества, хуже мора, голода и войны, неизвѣстный до нынѣшняго столѣтія. Полунаука — это деспотъ, какихъ еще не приходило до сихъ поръ никогда. Деспотъ, имѣющій своихъ жрецовъ и рабовъ, деспотъ, передъ которымъ все преклонилось съ любовью и съ суевѣріемъ, до сихъ поръ немислимымъ, передъ которымъ трепещеть даже сама наука и постыдно потакаетъ ему.

Достоевскій.

На допросѣ онъ несъ свой вздоръ и выставлялъ себя предтечей другихъ, сильнѣйшихъ и грозныхъ новаторовъ, которые, воспитываясь на ножахъ, скоро придуть съ пожарами же водворять свою новую вселенскую правду.

Льсковъ.

Мы сдѣлаемъ такую смуту, что все поѣдетъ съ основъ... Рабы должны быть равны... Не надо образованія, довольно науки!.. Жажда образованія есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе: мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство... Одно или два поколѣнія разврата теперь необходимо; разврата неслыханнаго, подленькаго, когда челоуѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь — вотъ чего надо! А тутъ «еще свѣженькой кровушки», чтобы попривыкъ... Я мошенникъ, а не социалистъ... Мы провозгласимъ разрушеніе... Раскачка такая пойдетъ, какой еще міръ не видаль...

Достоевскій.

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ.
Когда Царей корона упадетъ.
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь.
И пища многихъ будетъ смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ сель.
Чтобы платкомъ изъ хижины вызывать;
И станетъ гладь сей бѣдный край терзать;
И зарево окраситъ волны рѣкъ.

Лермонтовъ.

Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйныя невѣжды,
И злоба, и корысть!..

Пушкинъ.

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ:
Въ чистомъ полѣ подь ракитой
Богатырь лежитъ убитый...

Пушкинъ.

Отъ лихихъ гостей
Нѣтъ намъ обороны.
На главахъ у насъ
Черныя вороны...
На главахъ у насъ,
Затмѣвая звѣзды,
Галокъ стаи вьютъ
Поганыя гнѣзда...

Ой, орель, орель,
Нашъ отецъ далекій!
Опустися къ намъ,
Грозный, свѣтлоокій!
Ой, орель, орель,
Внемли нашимъ стонамъ!
Долѣ насъ срамитъ
Не давай воронамъ...

Графъ А. К. Толстой.

Если мы сплотимся, то мы выбьемъ и дьявола изъ ада.

Бисмаркъ.

Соборомъ и чорта поборемъ.

Русская пословица.

Спасти русскихъ могутъ только русскіе.

Честно служи твоему вѣку; но никогда не служи злomu
генію твоего времени.

Лафатеръ.

Что самому воровать, что вору стремянку держать — одно.

Русская пословица.

Важнѣе всего того, что нынѣ наполняетъ міръ шумомъ,
было бы вотъ что: вновь пробудить народъ ко всему доброму
и прекрасному, къ вѣрности и усердію, къ чувству родины
и отечества.

Розеггеръ.

Что намъ теперь нужно. какъ хлѣбъ насущный, — это царственное настроеніе ума.

Ліанхардъ.

Спасеніе отъ гражданской войны — въ забвеніи.

Публилій Сиріецъ.

Справедливая реформа и прямодушный образъ дѣйствій — вотъ наилучшая политика.

Завалишинъ.

Надо открыть` дорогу таланту... — это дѣйствительно истина, даже полная истина. Только этимъ можетъ завершиться революція.

Карлейль.

По путямъ жизненныхъ бѣдъ и ужасовъ Господь ведетъ насъ къ новому порядку вещей. Нельзя вернуть событія назадъ. Впередъ же! И пусть рухнетъ все то, что не можетъ долѣе стоять.

Пертесъ.

Живите, государи мои, люди русскіе, въ ладу со своею старою сказкою. Чудная вещь — старая сказка! Горе тому, у кого ея не будетъ подъ старость.

Льсковъ.

VI. ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Среди тѣхъ, кто остался въ Россіи, есть много именно такихъ, которые «сознательно готовились къ подвигу», и еще больше такихъ, чья жизнь сама развернулась въ подвигъ, помимо ихъ изначальнаго намѣренія; есть такіе, которые дѣйствительно въ началѣ «струсили», а потомъ окрѣпли и утвердили свою вѣрность Россіи; есть множество религіозныхъ исповѣдниковъ, гошимыхъ за вѣру. Именно къ нимъ, къ тѣмъ, кто любитъ Россію, обращена статья «Вы наши братья» («Русскій Колоколь», № 2). Есть героизмъ активный; хвала ему! Но есть героизмъ мученическій и исповѣдническій; позволительно ли христіанину забывать объ этомъ? Мученикъ не долженъ порицать меченосца; это была бы сентиментальная фальшь. Но позволительно ли меченосцу хулить мученика? *Путь* въ жизни единаго и единственнаго пути для служенія и для борьбы. Мечъ не каждому по силамъ; и если бы «тогда» ушли «всеѣ», т. е. и тѣ, кому мечъ не по силамъ, то бѣлыя арміи оказались бы только перегруженными небоеспособнымъ и изнемогающимъ человѣческимъ матеріаломъ. — По

къ обывателю, какъ таковому, и къ предателю, какъ таковому, эта статья совсѣмъ и не относится.

И. В. Ш. въ Ниццѣ. *К. С.* въ Люцигѣ.

Строя организацію, нельзя довѣрять «всѣмъ»; но нельзя и «никому» не довѣрять. Необходима осторожность: но такая, которая не обижала бы и не отталкивала бы людей. Вновь принимаемый долженъ непременно проходить періодъ *неподчеркнутой испытваемости*, напр., *обязательный для всѣхъ* стажъ «члена соревнователя». Вы правы: мы живемъ въ эпоху обостреннаго взаимнаго недовѣрія. Но тѣмъ необходимѣе, тѣмъ драгоцѣннѣе установить *кадръ безусловнаго взаимнаго довѣрія*. Надо учиться распознавать людей. Нашъ журналъ вернется еще къ этому.

В. П. La Ferrière aux étangs.

Мѣра собственности должна быть *творческою*, т. е. она не должна быть ни слишкомъ малою (напр., ничтожный клочъ земли, на которомъ нельзя повести интенсивнаго хозяйства), ни слишкомъ большою (напр., огромное лѣсное хозяйство, непосильное для частнаго владѣнія и потому лежащее втуне). Въ каждой странѣ есть *своя* мѣра собственности, необходимая для хозяйственнаго цвѣтенія. — Рангъ долженъ быть не только *справедливымъ* (т. е. соответствовать способностямъ и заслугамъ), но и *подвижнымъ*, т. е. открытымъ *всякому* достойному (отрицаніе кастовыхъ и сословныхъ загражденій), и открывающимъ ему перспективу *честнаго восхожденія*. — Каждый «иноходецъ» въ Россіи можетъ стать и быть *русскимъ*, нашимъ вѣрнымъ братомъ и соотечественникомъ. Для этого онъ долженъ только поставить свою *русскость* выше своего *расоваго, племеннаго и провинціальнаго* самочувствія. Эта формула такова: «я — русскій; и притомъ — армянинъ». Но не такова: «я — армянинъ; и свои армянскія дѣла педурно обдѣлываю въ Россіи».

А. Б. Болгарія. *Мина Перникъ*.

Редакція.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Спасеніе въ качествѣ. Редакторъ	3
2. Казаки, ихъ прошлое, настоящее и возможное будущее. П. Н. Красновъ	8
3. О власти и смерти. И. А. Ильинъ	19
4. Очерки по русскому аграрному вопросу. 1. О русскомъ малоземели. В. А. Косинскій	26
5. Къ разумѣнію нашего времени. Г. Г. Бахъ	36
6. О поклоненіи фактамъ. Н. А. Цуриковъ	42
7. Коммунистическій заговоръ тысяча лѣтъ тому назадъ. Странникъ	48
8. Уроки революціи. Старый Политикъ	57

I. Силы міровой революціи. 1. Европейскій пролетаріатъ. Редакція	63
II. Русскій народный учитель. В. А. Никольскій	67
III. Что дала революція русскому рабочему. В. Ф. Гефдингъ.	70
IV. Тюремное заключеніе. Историческіе матеріалы	76
V. Революція и выходъ изъ нея. Для памяти	80
VI. Отвѣты редакціи	83

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

КНИГА ПЕРВАЯ:

Редакторъ — Русскій Колоколъ. *И. А. Ильинъ* — О священномъ. *И. С. Шмелевъ* — Какъ намъ быть. *И. А. Ильинъ* — Наша государственная задача. *Прибывшій оттуда* — Мы требуемъ пониманія. *Лоллій Львовъ* — Безстрашные люди. *Старый Политикъ* — О политической работѣ.

Отъ редакціи. *С. С. Ольденбургъ* — Россія передъ революціей. *А. Бунге*. *И. Ильинъ* — Русская территория 1914—1927. Населеніе Россіи 1897—1914—1927. *Старый Политикъ* — Какъ хранить тайну. *И. А. Ильинъ* — Девизы блага движенія.

КНИГА ВТОРАЯ:

Редакторъ -- О русской интеллигенціи. *Г. Г. Багъ* — Уязвомъ къ Россіи. *И. А. Ильинъ* — Кризисъ современнаго искусства. *И. А. Ильинъ* — Вы наши братья. *И. Н. Лаппо* — Великіе строители Россіи. 1. Митрополитъ Макарій. *Православный* — Православіе и государственность. *И. А. Цуриковъ* — Память героизма и идеи современности. *В. Ф. Геддингъ* -- Живой опытъ коммунизма.

Редакція — Историческое бремя Россіи. *В. А. Никольскій* — Русская эмиграція въ цифрахъ. *И. А. Ильинъ* — О признаніи совѣтской власти. *Для памяти* -- О сопротивленіи злу силой.

КНИГА ТРЕТЬЯ:

Редакторъ — Побѣдитъ правое дѣло. *И. Н. Красновъ* — Армія. *И. А. Ильинъ* — Будущее русскаго крестьянства. *И. Н. Ильина* — Аріонъ Пушкина. *И. С. Арсеньевъ* -- Борьба за душу русскаго народа. *И. Н. Лаппо* — Великіе строители Россіи. 2. Московскіе князья собиратели. *В. П. Рябушинскій* -- Судьба русскаго хозяина. *И. А. Ильинъ* -- О русскомъ фшизмѣ.

В. А. Никольскій — Войны Россіи. *В. Ф. Геддингъ* — Россія въ міровомъ хозяйствѣ прежде и теперь. *И. А. Ильинъ* — Ядъ партійности. *Старый Политикъ* — О политической провокаціи. *Для памяти* — О борьбѣ и смерти.

Изданія Акц.-О-ва Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“
Рига, Б. Кузнечная 43

„ П Е Р Е З В О Н Ы “

№ 39 посвящ. „Отечественной войнѣ“ (4 цвѣтн. репрод., 65 одноцв.)
№№ 1-8 за 1925 г. — 1,5 долл.
№№ 9-26 за 1926 г. — 4,5 долл.
№№ 27-39 за 1927 г. — 3 долл.

На дняхъ выходитъ № 40

посвящ. И. Я. Билибину

Въ номеръ — г. г. Д. Гребенщиковъ, Бор. Зайцевъ, Н. М. Мишеевъ, Любовь Столица, Леонидъ Тульпе и И. Умовъ.

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

НОВОЕ ВРЕМЯ

Г О Д Ъ И З Д А Н І Я 25-й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ Главной Конторѣ газеты:

БЪЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

„РОССІЯ“

Органъ національной мысли и освободительной борьбы

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

подъ редакціей

ПЕТРА СТРУВЕ.

Редакція и контора:

12, Rue Royer-Collard, Paris (5)

Tel. Gobelins 65 95

Цѣна отд. номера во Франціи 1 франкъ, въ Германіи 30 ф.

Изданіе Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 литъ, въ
Эстоніи—280 мар. эст., за границей—86,5 амер. центов.

Православный Религіозно-Общественный Ежемѣсячникъ

„**В Ъ С Т Н И К Ъ**“

Органъ Русск. Студенческаго Христіанскаго Движенія За Рубежомъ

Парижъ, 10, Blvd. Montparnesse (15-е)

Цѣна 3 фр. Третій годъ изданія.

Продажа въ русскихъ книжныхъ магазинахъ. Печатаются статьи духовнаго содержанія, особенное вниманіе обращено на антирелигіозную борьбу въ Совѣтск. Россіи и на отношеніе къ вѣрѣ русской молодежи.

Вышла изъ печати четвертая книга

БѢЛОЕ ДѢЛО

ЛѢТОПИСЬ БѢЛОЙ БОРЬБЫ

Матеріалы собранные и разработанные Барономъ *П. Н. Вранелемъ* Герцогомъ *Г. Н. Лейхтенбергскимъ* и Свѣтл. Княземъ *А. П. Ливеномъ*

Подъ редакціей А. А. фонъ-Лампе

Содержаніе: *Е. К. Миллеръ* — Борьба за Россію на Сѣверѣ.

Г. Е. Чаплинъ — Два переворота на Сѣверѣ. *Н. Бѣлогорскій* —

Въ дни Каледина. *Д. Н. Потоцкій* — На Дону. *Е. О. Емельяновъ* —

Воспоминанія добровольца. *П. Н. Шатиловъ* — Памятная записка

о Крымской эвакуаціи. *Н. А. Андрушкевичъ* — Последняя Россія.

И. С. Коноплинъ-Горный — Крестоносцы. *В. П. Агапьевъ* — Кор-

пусь генерала Довборъ-Мусницкаго. *Н. Д. Нелидовъ* — Заговоры

въ Петроградѣ. **Документы:** Объявленія и сообщенія Верховнаго

Управленія Сѣверной областью. Переходъ Семеновскаго Полка.

Приложеніе: Указатель книгъ и статей по исторіи Бѣлой

Борьбы. **Цѣна книги:** 1,75 доллара.

Редакція: Berlin W15, Lietzenburger Strasse 43IV

Складъ: „Градъ Китежъ“, Berlin W62, Kleiststrasse 21

Книгоиздательство „Мѣдный Всадникъ“

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W 50, AUGSBURGER STR. 56^{IV}.
A. BUNGE.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:

въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;

въ Варшавѣ черезъ книжный магазинъ Добро
Krakowskie przedmiescie 53;

для Дальняго Востока представителемъ является
И. А. Глѣбовъ. Харбинь-Модягоу.
Черноморская ул. 31.

Цена книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Redaktion :
Berlin W 50, Augsburger Straße 56^{IV}
Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“
Inhaber: I. Iljin.